

М. ВЕЛЛЕР

ВЕРИТОФОБИЯ

Михаил Веллер

Веритофобия

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Веллер М. И.

Веритофобия / М. И. Веллер — «АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-106949-0

Название новой книги Михаила ВЕЛЛЕРА «ВЕРИТОФОБИЯ» поясняется в первых ее строках: «Ужас правды, неумение видеть правду, нежелание знать ее». Она о том, как с детства нам ловко и радостно мешают видеть мир собственными глазами и иметь собственные мысли. Это и судьба нынешнего поколения, и секреты Советского Союза, и скандальные страницы русской культуры. Автор разоблачает ложь гомосексуализма, громит политкорректность и предупреждает об апокалипсисе завтрашнего дня. Книга содержит нецензурную брань

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-106949-0

© Веллер М. И., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Шо це такє	6
Структура момента: Айн момент, моменто мори!	8
Часть первая	12
Лозунг детства	13
Опергруппа	15
Кубанские казаки	17
Рычаги	19
Партизаны и женщины	21
Бухарские палачи	23
Мудрец	24
Олень и мясокомбинат	25
Суворов	27
Гений и толпа	31
Ленин и мумия	35
Предварительные итоги	37
Часть вторая	40
Пушкин в системе ценностей	41
Култ личности	45
Магический стиль Достоевского	47
В чаще истин	50
Борьба с образом	52
Медийный образ	54
Берия	59
Сталин и Троцкий – имидж	62
Трафарет	65
Часть третья	68
Попытка к бегству	69
Болезнь	70
Внушение: колдун и смерть	72
Надежда и авось	74
Сам кривое зеркало	76
Обратная связь	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Михаил Веллер

Веритофобия

© М. Веллер, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

«Правда – это то, что полагаю я».

Нерон

«Узнать правду и сохранить рассудок – высшее испытание для смертных».

Софокл

«Люди слишком трусливы и эгоистичны, чтобы всерьез желать знать правду».

Люк де Клапье Вовенарг

veritas – истина (*лат.*)

fobos – страх (*греч.*)

veritofobia – так можно назвать упорное нежелание и неспособность воспринимать правду, достигающее силы иррационального и полного ее отрицания и боязни.

Шо це таке

Не в том дело, что все врут. И даже не в том, что часто верят в собственную ложь. А – бегут от правды, как черт от ладана. Кричат нервно и гонят пророков на костер.

Есть боязнь темноты и высоты, замкнутых пространств и людских сборищ, инфекций и воды. Бесчисленные фобии лечат, изучают и описывают. Не лечится только глупость: во что веришь и чего сильно хочешь – то тебе и правда. И бах мордой об стену! Плачет и недоумевают.

Категорическое нежелание знать правду, искренняя неспособность понять ее, раздраженное ее отрицание – о, это история отдельная. И каждый из нас сталкивается с этой прелестью постоянно.

Как я люблю научный стиль! Веритофобия – это психологический и социопсихологический феномен. В таковом качестве он имеет огромное политическое значение – какое имел всегда, но сегодня (2017), в эпоху господства и диктата политкорректности, веритофобия крайне нуждается в выделении, углубленном внимании к себе и всестороннем изучении. Высоконравственному лицемерию Запада сегодня симметричны тоталитарная демагогия России, национальный конформизм Востока и фанатичное единомыслие Ислама.

Боязнь правды, искреннее отрицание правды, невосприимчивость к правде, глухота и слепота перед неотразимыми аргументами правды – не как фигура сознательной лжи, но как особенность сознания и подсознания – давно заслуживает осмысления.

Правда всегда имела ограничения в межчеловеческих отношениях – как императивы и табу ритуала, вежливости, традиций. Ограничения в правде всегда были необходимы в социальной иерархии стаи – где подчиненные самцы и самки выказывали вожаку и высокоранговым самцам не только знаки подчинения, но и демонстрировали преданность и любовь.

Веритофобия всегда входила в любое социальное построение – начиная от первобытной родовой стаи и кончая современным государством. Ты не смеешь говорить в лицо вышестоящим ту правду, которая повлечет за собой суровые репрессии против тебя и всей твоей семьи.

А далее вступает в ход вся корпоративная психология: ценности группы искренне становятся твоими ценностями, а истина группы – это уже и твоя истина тоже. И ты искренне отрицаешь любую информацию, которая противоречит корпоративному мировоззрению и работает ему в ущерб.

Истина и польза, сознательный умысел и подсознательное убеждение оказываются единым целым, переходя и перерастая одно в другое совершенно неощутимо и незаметно для человека – носителя определенной информации и противника информации противоположной.

Ты не смеешь противоречить Императивам и Табу: Закон покарает, Мораль осудит, Совесть сгрызет. Ты не сам по себе, милый: ты часть своей группы.

Характерная особенность веритофобии: разум как потребность понимания отключается – и остается разум как стремление защитить свое устоявшееся мировоззрение любыми информационными спекуляциями и подтасовками. Истина выступает не как адекватная информационная модель реального объекта – но как информационная модель желания и веры, структурированных в виртуальный объект.

То есть: рациональное познание отвергается на уровне психики. Истина – это то, что мне нравится и во что я верю. В конфликте разума и эмоций гармоничного равноправия и согласия быть не может – только преобладание одного над другим: одно доминирует, другое подчиняется и следует за ним, приспособляясь.

Веритофобия – это разум защищает веру и гонит прочь разум, доказывающий истину. Это первичность желания и вторичность рассудка. Это победа субъекта над объектом.

Спасибо, я слышу: из задних рядов уже кричат, не могу ли я выразаться проще, без выпендрежа. Мы любим и уважаем задние ряды, мы подчеркнута бережны к ним, ведь к концу

столетия их уже не будет. Так что – да здравствует простота! (Мне такая простота нипочем бы не далась, сказала Флэннери О’Коннор.)

Структура момента: Айн момент, моменто мори!

Страх и трепет, Серен Кьеркегор, экзистенциализм, вцепились на краю пропасти в вечность, мы понимаем, интеллигенты чай; а як же ж иначе. Хотя страх как беспричинное тревожное состояние есть психопатология и требует психоневропатолога и психиатра с курсом лечения, но кто есть врач против философа? клизма для оказания услуг, а мы сплошь мыслители и страдальцы. Где трусу страх – там авантюристу кайф, возбуждение к приключению, борьбе и победе.

Чудное же выражение «Праздновать труса», поддаться страху то есть. Поддался – и сразу легче! лучше! Причем без всяких усилий, без затрат. Введение всенародного Праздника труса очень сплотило бы массы на базе облегченного взаимоуважения.

Страх вообще – это тяга к стабильности. Ярчайшее проявление консерватизма. На тебя что-то лезет – а ты его отталкиваешь. Тебя куда-то тащит – а ты упираешься. Пусть все сохраняется как есть. Изменения чреваты бедой. Ну ее на фиг. Не хочу изменения, оно страшное!! Вот сейчас жить можно – а нечто как грянет, костей не соберешь. Или вариант: если я не достигну вот этой цели – конец: позор, падение, смерть.

В информационном смысле – это реакция на информацию. Негативный стресс как реакция на негативную информацию.

Из этого следует – что? Что не желая события, которое человек не может отменить или преодолеть – он предпочитает отвергнуть информацию об этом событии. Грозит крупная неприятность, где ты не в силах что-то изменить – так лучше положиться на бога и судьбу и вообще не думать и не знать о возможном. Иначе депрессия тебя разрушит, и толку не будет, и жить невозможно и уже не хочется... эх, так лучше жить спокойно, весело и продуктивно сколько уж суждено, может все еще и обойдется. Чего, такова наша психология.

Страус не сует голову в песок – это метафорический автопортрет человечества. Борьба с эсхатологией.

...Вот обыкновенный страх – пойти к врачу как возможность узнать об опасной болезни. Ну, желание отсрочить, избежать, гнать плохие мысли, надеяться на лучшее. То есть стремиться к хорошему душевному состоянию покоя и уверенности в лучшем; все обойдется, ничего нет, плохое не обязательно, судьбы все равно не избежать, а, проскочим, фигня, не надо думать. В принципе – стремление к позитивному эмоциональному балансу без тревог и трудов, вера в лучшее. Своего рода психогигиеническая реакция.

Страх творческого провала – и из-за этого человек с творческими наклонностями вообще никому не показывает свои творения, или даже не начинает их делать, или не выставляет на конкурсы, не желая в них проиграть. Чем плохо – так уж лучше никак.

Страх подойти к объекту любви – а вдруг он/она отвергнет, проявит равнодушие или, тем более, надсмеется.

Страх выступать перед публикой – а так ли я хорош, или интересен, не провалюсь ли, не будет ли смеха, позора, презрения, равнодушия – да соответствую ли я той роли, которую на себя беру?..

Страх подурнеть и состариться (обычно у женщин).

И так далее...

Но! Это все страх личности. Есть же страх общественный, социальный, групповой!

Страх перед сильным врагом-соседом-народом. Страх перед атомной войной. Вообще страх конца света – как в ожидании 1000 года у христиан. Страх чумы или холеры в Средние века.

Групповой страх являет себя, естественно, как сумма-система индивидуальных, солидарных, одинаково ориентированных страхов отдельных личностей. Так сказать, страх системный,

проявляющийся в страхе каждой монады, но у всех монад вместе – увеличивающийся, легитимизированный, приобретающий характер объективного отношения к действительности – раз он у всех такой есть.

Так вот. Есть групповой страх перед правдой. Коллективная боязнь правды. Все общество отвергает правду, отталкивает, не хочет видеть и признать. Дискомфортна ему такая правда, очень нежелательна.

Скажем – стихийное бедствие неизбежно, спастись все равно нельзя: так лучше думать, что все обойдется, не в первый раз, гарантий беды нет.

Назовем такой страх перед правдой, боязнь правды – ВЕРИТОФОБИЯ.

Особенно явна веритофобия, когда у группы-общества возникает когнитивный диссонанс – то есть явная правда-скверна не соответствует убеждениям группы о правильном, хорошем, желаемом положении вещей, в котором она живет.

Вот так в Советском Союзе хрущевской эпохи люди отвергали мысль о том, что коммунизм порождает зло, а капитализм – гуманнее, производительнее, лучше. Большинство людей верили советской пропаганде – ибо хотели ей верить. Иначе их труд, их лишения, их условия жизни лишались смысла и были обманом и несчастьем. А эта мысль человеку несносна, она ведет к депрессии, болезням, не работоспособности, ранней смерти и вообще это конец счастливой жизни.

А человек устроен в общем и среднем так: если он не может создать себе жизнь, которую полагает счастливой – то он начинает полагать счастливой ту жизнь, которую имеет. Причем искренне полагает, что счастлив – а раз полагает, то так и есть.

На биохимическом уровне счастье человека – это электрохимическая реакция нейронных групп центральной нервной системы на химические соединения, вырабатываемые гормональной системой. Субъективно воспринимается как сильная позитивная эмоция. Объем этих эмоций в течение жизни более или менее определенный, генетически заданный. Поводы к счастьем условны. Лишь бы тяжких лишений и страданий не было – в негативном стрессе биохимия, естественно, меняется. А если основные потребности удовлетворены – безопасность, еда, укрытие, половой партнер, достаточный диапазон впечатлений – то счастье дворника от счастья миллиардера внутренне не отличается. Род занятий и количество миллионов не принципиальны.

Человеку необходимо счастье – чтоб работать, жить нормально, хотеть разного. И если тягость условий не убивает, не превращает вовсе в животное, а все-таки дает возможность жить и что-то делать, иметь какие-то надежды и растить детей – человек может быть счастлив и иметь психологическую мотивацию к жизни и действию, что и есть его суть.

Таким образом. Группа должна верить, что она выживет и будет успешна и счастлива. Если может что-то сделать для этого – то будет пытаться делать. Если не может – навевает себе сон золотой.

Но. И вот подошли мы к главному. В истории случаются переломные периоды.

В эти периоды группа, общество, народ, страна, цивилизация – уверовала в необходимость, правильность и благость каких-то действий, мер и взглядов. Искренне полагает, что только так будет правильно и хорошо.

А как группа верит, с чего? А лидеры, основываясь на идеях интеллектуалов, внедряют эти идеи в массы. Как реакцию на вызовы времени, на социальные катаклизмы. Как способ преодолеть несчастья и отказаться от взглядов пагубных, трагических, губительных.

Вот так после Второй Мировой войны дозрел и расцвел буйным цветом современный западный гуманизм и представление о правах человека. О равенстве всех народов и групп, рас и меньшинств. Чтобы не было фашизма и расизма с их ужасами и несправедливостями.

Далее вступает логика развития социальных систем. Каковыми конкретно правят разрастающиеся бюрократические системы. Методом увеличения правил и законов, разветвлением

подробностей законов и механизмов их применения. Бюрократия растет, законы и правила множатся и захватывают новые социальные пространства.

Раньше или позже начинается идеологическая дегенерация и деградация. Таков путь всех социальных систем на определенной стадии развития. Вообще любая система во Вселенной проходит все фазы цикла своего существования, впадая после пика и плато в дегенерацию, а затем в саморазрушение.

И вот уже правила и законы, правоприменение в действиях, начинают явно работать во вред системе. Явно разрушает ее.

Но! Великое «но»! Бюрократическая система уже создала и воспроизводит себя на этой именно идеологической платформе. И массы в течение десятилетий усвоили, впитали в кровь, прониклись до мозга костей этими благими идеями – гуманными и справедливыми.

И тогда рождается социальная, групповая ВЕРИТОФОБИЯ.

Общество в полном составе впадает в когнитивный диссонанс. То есть – видит одно, а понимает другое. Видит, что его действия разрушают его и ведут к гибели – но имеют в мировоззрении и потому понимают, что надо продолжать жить именно так.

Правда отвергается коллективным сознанием – и сознаниями индивидуальными. Логика против практических следствий мировоззрения, логика и элементарный здравый смысл кричат, что идем к гибели! Да, гибнуть страшно.

Но мировоззрение, система всех убеждений, суммарное представление о должном говорят коллективу и личности – нет, ерунда, мы справимся, продолжаем действовать как надо! Посмотрим на хорошие стороны и не будем акцентировать плохие.

Чем очевиднее губительная реальность – тем сильнее сложная и стройная логика социального сознания отвергает ее, вплоть до иррационального несогласия и страха признать ужасное!

И тогда правда объявляется не просто ложной, не просто вредной, но преступной! Тогда государственная машина скрывает происходящие несчастья и объясняет их чем угодно, но только не гибельностью пути. Тогда ученые и их труды объявляются аморальными, антиобщественными, вредными. Тогда идеология начинает командовать и законом, и справедливостью, и наукой, и искусством.

Начинается тоталитарное идеологическое правление господствующей власти. Ибо социум гонит прочь от себя правду всеми способами – иначе надо признаться в том, что его жизнь, карьеры и труды не имели смысла, а это психике человеческой невыносимо.

...Вот что имеем сегодня мы на Западе. Вот что такое ВЕРИТОФОБИЯ либерал-социалистической интеллигенции. Она не в состоянии – искренне не в состоянии!! – принять ошибочность и вредоносность своей деятельности, признать свою неумность, несмотря на образование – и свою вредоносность, несмотря на благие намерения.

ВЕРИТОФОБИЯ разъедает западное общество, уничтожает культуру, губит надежды на справедливость, ведет к исчезновению народов и их культуру, оставляет коренное население стран без родины и без будущего. Ибо элита общества отрицает правду – как было всегда перед гибелью цивилизаций.

Сумеют ли честные люди заставить власть и элиту видеть правду и действовать в соответствии с правдой, а не иллюзиями и умственными конструкциями – покажут немногие предстоящие годы. Мы живем в решительное время. Самое решительное для Европы за полторы тысячи лет.

...Как-кая фигня! Мы живем вообще в самый решающий, поистине судьбоносный, лучезарный и трагический миг человеческой истории. Мы на переломе к глобальному общежитию, где будет все меньше людей и все больше машин.

Поэтому каждый, кто портит нам краткотечные и неповторимые дни нашей счастливой жизни – должен быть повешен! О, нет-нет, в хорошем смысле слова.

И поэтому вспомним о наивных днях и простых вещах, с которых все начиналось...

Часть первая

*Наши мамы склонялись над нами,
Дождаясь, чтоб мы уснули,
И морочили нас колдунами.
Обманули!..*

Лозунг детства

Я помню эту мерзлую песчаную улицу. Была ранняя весна, март, наверное. Яркое солнце уже грело в морозном воздухе. Я шел из школы домой. Ветер нес песок, и глаза секло. Улица, центральная в райцентре, называлась Лазо-Борзинская. Мы жили на станции Борзя Читинской области, в Забайкалье.

На фасаде ДОСА – ДOME офицеров Советской Армии – алел плакат. Или транспарант, я понятия не имел. В степной, одноэтажной, деревянной и земляночной Борзе было два каменных двухэтажных здания – ДОСА и Штаб армии. 6-й Гвардейской танковой армии. А я учился в первом классе. И умел читать.

На красном полотнище белыми квадратными буквами было написано:

«Советская избирательная система – самая демократическая в мире».

Я понятия не имел, что такое избирательная система. Система – когда тебе пишут в дневник, что ты систематически опаздываешь на занятия. Что такое демократическая, я вообще ни сном ни духом.

Но я слышал, слышал, по радио прорывалось сквозь мальчишеские мысли и заботы: «Нерушимый блок коммунистов и беспартийных...», «избирательный участок...», «всенародное голосование...».

Что Советский Союз был лучшей, самой могучей и счастливой страной в мире, мы знали отлично. Ну и, очевидно, все советское было лучшее в мире.

Войну мы рисовали так: много красивых зеленых танков с красными звездами – и между ними горит один черный, кривой, со свастикой. А наверху – много голубых самолетов с красными звездами, и между ними – дымит один черный, кривой, со свастикой.

...Я не знал ничего, и знать не мог, об избирательных системах в других странах. Да и не задумывался – до крамольных университетских лет разочарования в советских лозунгах и идеалах. Но! Раньше, чем я получил представление о выборах и демократии – я твердо узнал, что советская избирательная система – самая демократическая в мире! Ты еще не знаешь, почему так, не знаешь, каковы другие системы, не знаешь их достоинств и недостатков, ты еще вообще ничего не знаешь! Но твердый стержень уже всажен, он вознесся и торчит несущей конструкцией в глубине твоего мировоззрения – вот так! Наша, не чья-то! Избирательная! Система, бля! Самая! Демократическая, на хрен! В мире, чтоб вы сдохли!

Мы росли и выросли, узнавали больше – а понимали столько же. От нас ничего не зависело, мы это знали – но как-то не понимали. Частности и конкретности перед нашими глазами могли не совпадать с картиной, нарисованной мировоззрением. То есть страна самая богатая, а люди могут быть нищими – и одно другому не противоречит!.. Детали могут противоречить общей картине – но бесспорность общей картине счастья, достатка и справедливости неколебима!

О-па! Убеждение первично – знание вторично! Идеология первична – реальность вторична!

(День Выборов – отмечен в календаре, всенародное торжество, единство и счастье. А живопись соцреализма: передовые рабочие в галстуках, старики-колхозники с промытыми бородами, трудовая интеллигенция в очках и шляпах, румяные девушки – да кудри, да гармошка, да нараспашку, на избирательные участки!

А сосед-алкоголик на кухне спозаранок, с важностью и грохотом: «Сейчас выпью маленькую, пойду проголосую!..» Уб-бил бы гада.

А девушка в дверях, слезно: «Ну пожалуйста, пока вы не проголосуете, меня там домой не отпускайте, ну сходите, чего вам стоит...»

Но не будем забегать вперед.)

...Лет пятнадцать я прожил, взрослея, со знанием и убеждением, что советская избирательная система – самая демократическая в мире. Ничего не знал, ничего не понимал, ничего не пытался осмыслить – но мнение имел! И убежден был до самой глубины души.

На всю жизнь я запомнил этот первый осознанный, зафиксированный сознанием случай внушения идеологии. Вкладывания идеологемы в неокрепшие мозги. Мозги твердеют, засыхают, деревенеют и каменеют, теряют пластичность и делаются неспособны к восприятию чего-либо нового. А имплантированная установка живет внутри них и формирует вокруг себя картину понятий о мире.

Мозги большинства твердеют, не созрев. В массе люди нуждаются в готовых унифицированных установках. Это социальный инстинкт. Чтобы жить в ладу с окружающими и делать общее дело, вести общий образ жизни, верить в свою правоту.

Почему я возвращаюсь к этому невинному массовому лозунгу моего детства? Потому что это был первый явный случай несовпадения лозунга и жизни. Ибо избирательная система была – наглая ложь, стопроцентная фальсификация, отсутствие какого-либо выбора: стадо под конвоем исполняло лицемерный ритуал. Диктатура Партии коммунистов, а точнее – диктатура высшей партийной бюрократии, узкой группы внутри Политбюро ЦК КПСС. Крепостные крестьяне-колхозники, нищие работяги и интеллигенты, тонкий слой интеллигентской и рабочей аристократии – шахтеры, профессора, знаменитые и лояльные режиму писатели. Госплан на все – от выпуска презервативов до фасона рубашек на пятилетку. И ничего от тебя не зависит, ничего не можешь изменить, а за инициативу бьют. И опускаешь бюллетень с единственной фамилией, вставленной единой и диктаторствующей Партией.

Но ритуал превращен пропагандой в праздник, музыка, дефицитное пиво на избирательных участках, а ты – хозяин, а ты – веришь! Вопреки глазам, мозгам, знакомым и жизненному опыту.

Веришь вопреки уму и глазам. Это важно. Это – сила вбитой идеологии.

Опергруппа

А вот студент Ленинградского Университета в возрасте максимально высокого мнения о своем уме и образованности. Правда, в данном случае ум и образование излишни – едем в стройотряд, на Мангышлак, работать исключительно руками и жариться в пустыне.

Студенческий эшелон. Двадцать плацкартных вагонов по шестьдесят человек и один купейный – штабной, в середине. Кондиционеров еще нет, но окна открываются, вращение ручки поднимает верхнюю часть стекла в паз стенки, и ветра шумят по вагонам. Колеса стучат, мазут пахнет, степь несется назад – все как положено.

Мы – едем в купе штабного вагона. Хотя это наша первая стройка, и никаких должностей у нас нет. Мы – это два филолога и два историка, все после первого курса, девятнадцать лет. За стенкой – командир и комиссар эшелона, районный врач, областной мастер, все или старики (курс пятый), или освобожденные (профессиональные комсомольские работники).

Мы – опергруппа. На рукаве серой формяги типа африканского корпуса Роммеля – красные повязки. Собрали по принципу «кто под руку подвернулся и вид имел». В наши обязанности входит поддержание порядка в эшелоне и доведение приказов руководства до личного состава.

Раз в час мы смотрим на часы – «Пора!» – и, разбившись на две пары, обходим эшелон в нос и хвост. Тамбурные двери хлопают, переходные мостики гремят. Размяклый полуголый народ смотрит неприязненно и в спину иногда называют псами. Это звучит признанием, почти комплиментом.

Мы наблюдаем строго и ответственно.

Иногда видим след выпивки: бутылок нет, но прочий антураж налицо и глаза с красных рож блестят характерно. И наше карательное выражение дает им понять, что можем уличить и покарать. В стройотрядах сухой закон, за нарушение отчисляют, а это может повлечь за собой (пугали нас) и академические неприятности.

И вот мы возвращаемся в свой штабной и закуриваем в коридоре у окна. Проходит командир эшелона – лет тридцати, небольшой и жилистый блондин с манерами бывшего хулигана. Убедительный командир.

И этот убедительный командир спрашивает:

– А куда это, ребята, – спрашивает, – вы все время ходите?

Мы объясняем, что ходим следить за порядком в эшелоне.

А это как? Это – за чем следить?

За соблюдением сухого закона. Ну, чтоб драка не возникла. И чтоб не сидели на ступеньках в открытых дверях тамбуров – это запрещено.

Часто проходите?

Каждый час.

А это кто вам распоряжение дал – чтобы раз и в час?

Мы сами. Установили. Для распорядка.

Много нарушений выявили, пресекли?

Ну, пока не одного. Отвечаем ему с достоинством и ждем сдержанной похвалы за инициативу и примерное исполнение обязанностей.

А командир хмыкнул, хэкнул, подбородком дернул, —

– Сидите, – говорит, – на месте. Не дергайтесь.

Мы говорим: так а делать чего?

А чего делать вам скажут, когда нужно будет.

И пошел.

Мы, натурально, задумались. С одной стороны, мы хотели как лучше. С другой стороны, вроде неудобно ехать в комфортном купе при штабе на правах аристократии и ни хрена не делать: надо же как-то свою должность оправдать! С третьей стороны, груз с плеч свалился – нам это барражирование осточертело – можно отдыхать спокойно.

Да, кстати – на обратном пути мы, уже в общем вагоне с народом, внаглую таранили пузыри прямо из станционного буфета и пускали по кругу – и ничего! И отлично себя чувствовали! А если мимо шло начальство – убирали бутылку за спину и смотрели радостно, а начальство делало строгие глазки и ухмылялось. Ну, выпьет студент – так это ж закон природы.

...И вот прошло полвека, а я помню, как жестко указывал буховатому студиозусу, что имею право снять его с эшелона, а он виновато оправдывался, а я был суров в честном сознании своего долга и права. Вы понимаете? Я над ним не глумился – я был убежден в правильности и необходимости своих действий, иначе нельзя, а как же, есть порядок, правила, приказ, и я должен соблюдать и следить!

Я был – член опергруппы, и моя правда была – правда опергруппы. А другая правда была неправдой. И все тут.

...Но мало того – мало того! Через полгода разразилось факультетское собрание стройкома, голосовали вопрос: после первого курса на дальнюю стройку не направлять, а только на ближнюю. А на дальнюю – уже после первой стройки, заслужив право на героическую романтику. И мы – второкурсники с рельсой на лацканах за Студенческую транспортную стройку на далеком Мангышлаке – дружно поддерживали! Да! Не фиг сразу на дальнюю! Ишь захотели. Пусть сначала в Ленобласти болота поосушают. А уж потом – можно туда, где мы.

То есть: когда сами мы первокурсниками записывались на Мангышлак – слухи об обязательности первой ближней стройки вызывали у нас ярость! Но мы пророскочили. И теперь – сами убежденно загоняли первокурсников пригородные болота.

Да – закон трамвая, своя рубашка ближе к телу, сытый голодного не разумеет – но тут все чуть сложнее!.. Мы не были карьеристы, мы не были эгоисты и сволочи, ну, жизнь показала. Наше убеждение, что надо потерпеть ближнюю стройку – чтоб получить право на дальнюю – было абсолютно искренним! И парадоксальным образом даже не собиралось сочетаться с нашим же мнением о нашей ситуации полгода назад. Мысль о **несправедливости** нашего решения искренне не приходила нам в голову, вот в чем фокус!

...Через сорок лет я приду к выводу о корпоративности искреннего мировоззрения. Но мы опять забегаем.

Кубанские казаки

Это ж был фильм! Мы его берем как ярчайший пример раздваивания реальности.

Председатель колхоза – красавец. Председатель соседнего колхоза – красавица. Они ездят на красивых, резвых, упитанных лошадях. Хорошо одетые колхозники живут в нарядных домах. На ярмарку едут в шелковых сорочках. Ярмарка ломится от изобилия продовольственных и промышленных товаров. Для сельского клуба председатель покупает рояль. Любовь двух председателей украшает колхозную жизнь. Грусть светла, а радость брызжет. На фоне золотых нив и зеленых садов. Эх, хорошо в стране советской жить!.. (была такая песня)

Тут нет ни одного пьяного, ни одного нищего, ни одного инвалида, и ни одного голодного тоже нет. Никто не ругается, особенно матом.

Рукоприкладство отсутствует. Никого ни за что не сажают – а не за что и некому.

Фантаст Ефремов Иван Антонович с его коммунистическими утопиями – скудоумный графоман против социалистического реализма народного режиссера Ивана Пырьева (ни дна ему ни покрывки). Тьфу на вашу «Туманность Андромеды» против фантастического советского счастья.

Фильма сия создавалась великим народным гением в 1948 году. Это – что? Это – когда? Это после великого послевоенного голода 1946–47 годов. Это когда массовая дистрофия крестьян, когда полтора миллиона умерших от голода, случаи каннибализма и безнадежных бунтов против властей.

Но задача искусства – показать действительность с нужной, партийной точки зрения. «Лакировка действительности», «конфликт между хорошим и отличным» – это все формулировки некогда знаменитые, расхожие. Нас интересует другое – примечательное, характерное, удивительное:

Социальная шизофрения удивляет нас. Вернее даже социопсихологическая. То есть: человек одновременно наблюдает два разных изображения одной и той же реальности – и обоим верит! И они никак не конфликтуют в его мозгу, не вытесняют друг друга. Нет психологической сшибки, нет когнитивного диссонанса.

Упрощая: на клетке со слоном написано буйвол – и зритель этого зоопарка верит и тому, и другому. Несовпадение надписи содержанию его ничуть не смущает. О как! Он отлично существует в этой двоящейся действительности.

...Итак, советский человек образца 1949 года видел кругом одну реальность, а в кино – другую реальность, и совмещал их простейшим способом. То, что он видит лично вокруг себя – это частность, а в кино – общая типичная картина жизни. Частность может быть противна, неправильна и нежелательна – но она отнюдь не опровергает общей картины жизни. Сосед пьяница и дебошир – но вообще люди хорошие. На работе бардак – но в киножурнале «Новости дня» показывают многие предприятия – и везде порядок, чистота и производительность труда. Черт возьми, у человека может быть понос с метиоризмом, но вообще он звучит ведь гордо, ведь царь природы, плюс ум и благородство.

Между частным, плохим, очевидным – и хорошим, общим, транслируемым – человек выбирает второе.

Во-первых, кино подкреплено авторитетом умных, образованных, ответственных людей. У них ордена, их показывают в Кремле, о них пишут газеты. Их фильмы показывают по всей стране. Уж наверно они лучше знают, что к чему в жизни.

Во-вторых, это очень хорошо – то, что в кино происходит. И люди красивые, и жизнь хорошая, и страданий нет, нет бедности и болезней. Такая жизнь конечно нравится. Такой жизнью пожить никто бы не отказался. И, тем более, все они работают, трудятся, благососто-

яние их заслуженное, честное, и ничего ведь там невозможного нет – так ведь все и должно быть, так нам и на политинформации говорят, и начальство, и лекторы.

Желание хорошей жизни. Рождающее веру в возможность хорошей жизни. Да когда тебе показывают эту хорошую жизнь таких же людей, как ты. И твоя вера подкрепляется авторитетами. И бесконечные газеты твердят: так и есть!

Это создает эффект наведенного мировосприятия.

Ты воспринимаешь как главное не свой мир, что сам видишь и касаешься, небольшую сферу, в которой реально живешь – а мир общий, огромный, почти весь далекий и невидимый тебе, потому что такой огромный. Этот огромный мир показывают тебе умные люди, которым все верят и которые многого добились в жизни.

...И свою многотрудную жизнь советский человек воспринимал как частность, кучку отдельных недостатков, нормальные и не смертельные жизненные препятствия. А вот устройство всей страны, жизнь всего народа – это была зона справедливости, устроенности, совести и ума. Работящести и зажиточности.

И человек клял начальство и безруких работяг, качество товаров и план по валу – но за нашу советскую родину, самую справедливую и гуманную, честную и добрую – готов был грызть глотку и проливать кровь.

Человек совершенно искренне видит одно – а понимает другое. Сталкивается с одним – а верит в другое.

Иллюзия сплошь и рядом важнее очевидности. В своих суждениях и оценках человек чаще руководствуется наведенной иллюзией, нежели очевидной картиной.

...Так что жили в бедности и голоде – но знали, что это только здесь, ну еще в нескольких местах, но вообще, в главном – та счастливая жизнь «Кубанских казаков» важнее, повсеместнее, правильнее – и по большому счету реальнее наших частных страданий.

Рычаги

Простенький рассказ среднего советского прозаика Александра Яшина прославился. Дело в начале хрущевских времен было, эпоха XX Съезда КПСС – разоблачим кровавого Сталина и продолжим строить социализм с человеческим лицом.

Сидят в избе-развалюхе четыре мужика. Председатель, стало быть, колхоза этого, нищего, как все крестьянство страны, животновод, кладовщик и бригадир: местное правление. Надымили сигарками с самосадом и сетуют, что хозяйство организовано плохо, а начальство руководит сверху неумно.

А потом – р-раз: это они начинают партийное собрание! И нормальные адекватные мужики словно переключают внутренний регистр: несут официальную демагогию и всерьез предлагают всякую фигню, чтоб какие-то высосанные из пальца и из воздуха премии, штрафы, социалистические соревнования и прочая муть отразили линию районного руководства. Чтобы их партийные отчеты в райком соответствовали намеченным партией процессам в стране.

И у людей вдруг меняется словарь, выражения лиц, даже тембр и интонации голоса меняются. Хоп! – и люди повернулись другой стороной своей сущности.

Фиговатый рассказ очень силен именно резким сопоставлением двух социальных ролей одного и то же человека: вот он как крестьянин на своей (хоть и советской) земле, работник с человеческими заботами – и вот он как единица Коммунистической Партии, и претворяет в жизнь политику родной партии. Человек как личность – и как винтик бюрократической машины.

Вот такие «Рычаги» написал Яшин, а больше ведь о нем и вспомнить нечего.

Поразительно не то, что в человеке совмещаются две социальные роли – в человеке и больше совмещается. Отец, сын, муж, друг, работник, патриот, болельщик, охотник и бытовой пьяница – прекрасной души человек, знакомьтесь, это ваш новый сосед. И не то удивляет, что две социальные роли противоречат друг другу – страдающий от идиотизма власти крестьянин и верный исполнитель приказов этой власти. Человек – животное политическое, а значит подневольное. Как индивидуум хочет одного – а как член социума делает другое. Об этом социально-психологическом дуализме мы еще много говорить будем. Вот эсэсовец любит детей – а работает в концлагере. Вот любитель природы – валит лес: на жизнь зарабатывает.

Главное здесь – что как только человек воплощается в одну социальную роль – другая перестает для него существовать. Он не шизофреник, раздвоением личности страдать не способен. Или он заезженный донельзя Советской Властью крестьянин – или он проводник идей Советской Власти и ее функционер. По очереди! Но не одновременно, не в один и тот же миг.

И когда он крестьянин – он осуждает некомпетентного и черствого функционера-начальника, не вникающего в труд и нужды крестьянин. Но когда он сам функционер – он абсолютно чужд смыслу и заботам реальной (его же собственной!!!) крестьянской жизни.

Из этого можно сделать вывод. Важнейший вывод! – и очень просто выглядящий:

Человек одновременно может придерживаться только одной системы взглядов, каковая система взглядов присуща его социальной роли на этот момент.

И интереснейшее следствие из этого вывода:

Человек способен абсолютно искренне менять свои взгляды в зависимости от смены своей социальной роли.

И тут вдруг у меня из-за плеча высовывается коллега – филолог-русист-фольклорист и кричит, тыча обличительным перстом:

– Сытый голодного не разумеет!

И мы должны с ним согласиться: да, народ это всегда знал, не углубляясь в теорию социальной психологии. На своей шкуре веками испытывает.

Вообще русский человек постоянно страдает от произвола чиновников. Об этом много писали, и Пушкин еще писал, а уж Салтыков-Щедрин как припечатывал. Но горе в другом даже, в другом секрет этого горя вечного! А в том, что как только страдающий русский садится в кресло чиновника – он волшебным образом преобразается: жертва дракона превращается в дракона. Вчерашний страдалец начинает тиранить просителей, а они страдают, и ничего в принципе не меняется. И дело здесь не в короткой памяти и не сволочном характере, а в том, что в комедии жизни он сменил амплуа – и характер роли вместе с ним. А комедия в России отличается тем, что на власть управы нет – так чего не куражиться.

Или еще иначе можно сказать:

Бытие определяет сознание.

То есть: кто ты есть – так ты и думаешь. Сменится твое бытие – сменится и сознание, будь спок.

Правда бесправного просителя и правда все сильного чиновника – это две разные правды. И одна правда отторгает другую – мгновенно, в принципе, это как переход в другое измерение, в другую систему понятий и ценностей. Щелк – и переключилось.

Партизаны и женщины

Пардон за обман. Это не те партизаны, которые по лесам железные дороги подрывают и склады жгут. Эти «партизаны» – офицеры запаса, получившие когда-то звание после военной кафедры своего вполне гражданского вуза. Их раз в несколько лет норовили дернуть на двухмесячные офицерские сборы. Некоторым это нравилось: зарплата сохраняется, от семьи отдохнешь, игра в войну не всерьез, чего не развлечься.

Итак. Карелия. Лес, озеро, гарнизон. Небо, солнце: август. Курилка – бочка вкопана меж трех скамеек. Взвод курит: сорок рыл тридцатилетних ленинградцев. Лейтенанты, вашу мать. Только что автобус привез и выгрузил, только что в формягу переодели, х/б летнее офицерское полевое, и вот курим, анекдоты травим и гогочем подчеркнуто тупо. Вживаемся.

Забор, казарма, плац, дорожка – территория.

И – по этой дорожке идет женщина. Появилась из двери штаба, и мы видим ее сбоку и удаляющуюся со спины. Лет тридцати. Приятно полноватая при всех обводах. И на солнце сарафанчик ее слегка просвечивает – в рамках приличий.

И вдруг взвод, не сговариваясь, поворачивает головы и дружно тянет вслед: «У-у-у-у!..» Как голодные петеушники. Как зэки из тайги. Как голодные зимовщики с острова. Такой хамовато-комплиментарный вой, такая смесь глумления с неприличным намеком.

Слушайте! Еще обед не наступил – сегодня утром все встали с постели со своими законными, временными или случайными подругами. Женатые, приличные, трудящиеся, несудимые. Культурные все по самое не могу, инженеры и научные сотрудники. Сугубо штатские. Чего завывали вслед бабе, как придурки?.. Тридцатилетние папаши.

А – переключились. Сменили социальную роль. Вчерашние солдаты и курсанты. Снова в армии. Х/б, курилка, забор со звездами, отдавание чести: сплошь мужской коллектив. А что есть главнейшая ценность гарнизонного воина? Баба! Первая строчка приоритетной шкалы. Водка – уже вторая. Так как же не возбудиться, не приветствовать, не позиционировать себя эдаким половым разгильдяем.

И мы чувствовали себя так, что это даже не невинная шалость – а нормальная реакция, естественное приветствие, одобрили женщину, и что.

Мы выходим за забор – через пятьсот метров Выборг. Там на улице нам в голову не приходит улюлюкать вслед девушкам. Не говоря о Ленинграде. Дикари-то мы дикари, но в географии разбираемся.

Ну, смена социальной роли – смена точки зрения, смена поведенческого стереотипа, смена шкалы ценностей – это, в общем, понятно. Мы, взрослые мужчины, могли в столовой устроить бенз повару или дежурному по кухне, если нам недодали грошового черствого печенья, переварили макароны, неровно нарезали масло. Поводы для реакций были неразличимо мелки с точки зрения свободного человека – но солдаты и зэки нас поймут.

Важнее и характернее другое. Эта средней привлекательности женщина возбудила нас. Неожиданная среди военного гарнизона (хотя вольнонаемных везде хватает). По контрасту среди толпы в форме – особенно женщина, женщина в энной степени: особенная, единственная, не такая как все остальные люди здесь. У нее все женское, больше этого ни у кого здесь нет: это сильно выделяется, контрастирует, подчеркивается – возбуждает.

А вот идет она в Выборге по тротуару – не выделяется и не возбуждает; ну, не больше обычного.

...То есть. Не только мировоззрение. Не только правда как картина жизни и действий в этой жизни. Может меняться в зависимости от обстоятельств субъекта. Но. На биологическом уровне, инстинктивном, на уровне базового из инстинктов – полового – оценка объекта и отношение к объекту может меняться. И здесь не та смена условий, что ты месяц не ел и

импотентен, или приговорен к смерти и не до баб. Нет, все куда мягче и проще. Зрение воспринимает эту женщину как единственный возможный объект сексуального влечения в радиусе видимости, и что главное – в радиусе принципиальной социальной досягаемости. И среди множества людей она – единственный представитель этого пола.

Ты видишь ее в Выборге – и ничего особенного. Видишь в гарнизоне – и аж глазки закатываются.

...Можно, конечно, обмануть и половой инстинкт. Но все-таки его уговорить сменить влечение гораздо труднее. А акт размножения – первейший приоритет организма. И если уж здесь смена обстоятельств способна повлиять на «точку зрения организма» и «мировоззрение полового инстинкта» – так что? Так даже наше чувство регулируется различием условий. Ну, в известной степени регулируется.

Бухарские палачи

Советской литературе эпохи Гражданской войны и следующего десятилетия вообще был свойствен экспрессивный реализм, переходящий в жесткий натурализм. Таким образом, повесть основоположника таджикской советской литературы Садриддина Айни «Бухарские палачи» вполне впечатляла деталями. С подробностями книга.

Поздно вечером, после работы, усталые палачи сидят у костерка: пьют чай и отдыхают. Обычные рабочие люди со своими заботами. О делах говорят, случаи разные обсуждают и высказывают мнения. Работы много, она тяжелая и не слишком приятная, а платят ведь мало. Власть сейчас отправляет на казнь людей больше обычного, и нагрузки возросли. А ведь некоторые виды казни хлопотны, требуют больше времени и труда. Да и людей в общем иногда стоит пожалеть, их можно убивать легче, зачем зря столько мучений. И канавка для стока крови мала, и веревки гниловаты, и на арбах для вывоза экономят, мало их, жди пока обернутся – и снова трупы грузи, майся всю ночь.

И здоровье не очень, и не вознаграждают по заслугам, и куда вообще жизнь идет, нелегка наша доля.

Заметьте – это задолго до концлагерей СС, и уж это ни в коем случае не про расстрельные подвалы ЧК, откуда сотрудников нередко отправляли в психушку лечить нервы.

Айни был неплохой писатель. И палачам его вдруг начинаешь сочувствовать – проникаешься. Усталые работяги, по-своему добрые и неглупые.

Человек при деле – превращается в профессионала и отчуждается от сути и смысла своего дела. Это нормальная часть его человеческой жизни. Он видит свою работу изнутри сферы своего существования, где и работа эта расположена. Ему что дрова колоть, что людей рубить.

...Видите ли. Дело есть важнейшая часть человека. Человек существует для действия, для дела, такова его функция в мире, такова его сущность. И когда он начинает заниматься делом – его пластичное сознание пристраивается к этому делу, прилипает, льнет, формирует себя по всем бугоркам и впадинам этого дела.

Сознание человека едино с функцией этого человека в окружающей среде. Действие кормит тело, в котором генерируется сознание. А сознание планирует оптимальнейший способ действия этого тела.

Поэтому сознание жертвы и охотника – два разных сознания, хотя планируют они весьма близкие способы действий. Но – с двух разных точек зрения, с двух разных жизненных установок планируют. И две особи, два носителя этих сознаний – ненавидят друг друга в антагонистическом противоречии: правда одного не сдохнуть без добычи от голода – и правда другого не сдохнуть на зубах охотника.

А вы говорите: диалектика приро-оды, сытый голодного не разуме-ет, гусь свинье не товарищ.

Волк и заяц живут в двух разных мирах. Им понять друг друга – значит сдохнуть. Ибо правда одного – это смерть для другого. Что и происходит при столкновении их миров.

Поэтому «неудобный» казнимый, слишком живучий или наоборот, слишком слабый и преждевременно умерший – искреннее огорчение и лишние переживания для палача. Который просто старается качественно и с минимальными собственными затратами энергии выполнить свою работу, каковая есть важнейшая часть его собственной жизни, единственной и драгоценной.

...Моя правда, то есть мое мировоззрение, задано моей ролью в мире, моей функцией в мире, моим местом и задачей в сложной социальной конструкции общества.

Я есть то, что я делаю. Из этого следует, что. Я есть то, что я думаю – в заданности интересов, пользы и необходимости моего дела.

Мудрец

Вот поэтому былинный мудрец, мудрец из эпосов и сказаний – удален от всего, что может отвлечь его мысли, повлиять на его мировоззрение. От людей он удален топографически, расстоянием, жить ему предпочтительнее отшельником – в скиту, шалаше, пещере, горной хижине или лесной избушке. От страстей старец удален возрастом, аскетическими потребностями и седой бородой. От дел удален бездельным созерцанием и размышлением. От человеческих привязанностей удален одиночеством, отсутствием семьи.

Собственно, у мудреца нет даже родины. Он не патриот. Он на этой земле – как частица мыслящей природы, он принадлежит всей земле как воздух, вода, листва.

Он – равноудален от всех людей, групп и интересов. Эта равноудаленность – залог свободной объективности его правды, его мировоззрения. Из своего одиночества и незаинтересованности ни в чем – он один может сопоставлять все точки зрения, нужды и интересы объективно, взвешивая их значимость для отдельных людей и людских групп.

Мудрец соотносит все объекты с единой моралью и единой этикой. У него нет личных и групповых предпочтений, его суждение ведет гармония мира, справедливость и добро для всех.

Равноудаленность и отсутствие страстей и интересов рождает объективность – что значит: все объекты анализируются и оцениваются в единой и равной на всем пространстве системе координат. Эта система координат не стягивается гуще к какой-то точке, растягиваясь на периферии, как бывает у заинтересованного человека, который неизбежно тянет истину мира на себя.

Но люди склонны к конфликтам, это качество имманентное – что делать? Тогда мудрец подобен священнику или врачу – понимает всех и сочувствует всем, ибо несовершенен мир и человек несовершенен.

Но. Весы Господа Бога никогда не застывают в равновесии. И мудрец приемлет победу правых и смерть виновных, если таковые определимы из точки всеобщего равновесия.

Ибо Мир есть движение, и жизнь есть движение, и сам мудрец, при всей своей невозмутимости – тоже существует в движении.

Для зоолога может быть справедливость во взаимоотношениях зайцев и волков – но для зайцев выкладки зоолога не справедливость!..

Мир может быть справедлив в целом – но отношения отдельных групп и индивидуумов в заданных Природой условиях существования – справедливыми не являются. И более того – справедливыми быть не могут! Вот такова доля наша.

Мудрец видит и приемлет все истины – ибо не имеет личного интереса до этой жизни. Он существует в гармонии с пространством и Богом – равно соучаствуя в любой судьбе и приемля ее. Понять все может лишь тот, кто не добивается ничего.

Мудрец – это аналитическая гиперспособность мозга, ибо он заведомо отказался от любого практического вывода, бесконечно анализируя со всех сторон.

Олень и мясокомбинат

Первый и последний раз был я в убойном цеху мясокомбината, когда после многомесячного перегона из Монголии по алтайским горам пришли мы со скотом в Бийск, где и сдали гурт под фактуру по счету и общим весом. И проследив, как с весовой площадки наши сарлыки и бараны пошли по коридору в ворота приемки, кинули им вслед свои кнуты, закурили, и решили для начала отдыха поглядеть, как там выглядит мясокомбинат, конечная точка наших трудов и маяты, изнутри.

Мы были привычны класть барана на бок и отрезать ему голову кухонным ножом, как горбушку от батона. Но тут мы сомлели.

Огромное серо-бетонное пространство, далеко вверх потолок, огромные пыльные окна в разбежавшихся стенах. И – работа.

На конвейере – подвешенной на высоте глаз цепи с зажимами – плыли бесконечной чередой куры, подвешенные вверх ногами. Вместо голов внизу у кур капало с красных обрубков шей.

На другой ленте, потолще, точно так же плыли вверх ногами бараны, только что живые, уже без голов, отсеченных вот над тем переполненным головами лотком.

А на третьей ленте, высокой и мощной, медленно ехали, тоже свисая еще имеющимися головами вниз, оглушенные током коровы. На помосте внизу перед ними стояли два бойца в грязно-бело-серых окровавленных халатах и с длинными ножами в руках. То и дело окуная ножи в бочку с водой смыть кровь, они вонзали острейшие мясницкие ножи корове глубоко в основание шеи и делали длинный разрез вдоль всего горла до самой челюсти. Из полуметрового раскрывающегося разреза выплескивался водопад черной крови, и конвейер передвигался дальше.

Пол был в потоках крови, она постоянно смывалась водой в решетки. Запах подавлял сознание.

Мы вышли, матерясь скупно и сдавленно.

– Да ну его на хрен такую работу – сказали мы, отдышавшись на воздухе и закурив – Хрен ли, что в городе. Уж лучше в горах, на воле, нормально, без этой хреноты. Ну так что – в палатке поспать. Плохо, что ли? Идешь, на коне едешь, чай варишь, человеческая жизнь. И как они тут пашут?

Так это я только к тому, что мы обсудили еще один нас впечатливший момент. Там за столиком у окна несколько девушек сидело, на птичьем участке. Молоденькие, веселые, в сравнительно чистых халатах – пили чай и ели бутерброды. И щебетали. На этом месте обсуждения мы пришли в магазин, взяли по полбанки на рыло без закуси (есть никто не хотел) и вынесли свое суждение:

Ко всему, сука, человек привыкает. Поначалу, поди, страшно им было, тошнило, коленки дрожали. А потом привыкли, конечно. А чего – работа, подруги, зарплата, да кругом все такое же делают, а коллектив нормальный, и о семье девкам думать надо, да залетел кто-то обязательно, и одеться хорошо охота – жизнь, в общем. Ко всему привыкнешь. Нам-то поначалу тоже в горах неуютно было. Холодно, мокро, барана долбаного через притор не протолкнешь. А потом втянулись – и ништяк, отлично жили, ребята, ничего трудного. Ну – за то, что хорошо дошли!

И вообще: мясо есть любишь? – а кто в убойном цеху работать будет?

... Через пять лет я работал на промысловой охоте в тундре. А летом полярным коротким идет сезонный отстрел дикого северного оленя – тогда его на Таймыре много было. Говорили, что оленина по высоким ценам идет на экспорт во Францию – диетическое мясо, экологически чистое и нежирное.

Набитых оленей бригада должна сразу освежевать и туши повесить под навес, а ливер отдельно в ящики; шкуры пересыпать солью и сложить в стопки; все подготовить к вывозу вертолетом. Иначе испортится.

Голова отдельно, рога у быков вырубить отдельно, языки вырезать и сложить отдельно, брюхо взрезать и вынутые кишки выбросить в вырытую яму, камус с ног снять, шкуру ободрать и так далее – ну, процесс. Для головы – топор, на остальное – небольшой нож.

И когда в первый раз ты это делаешь – подавляешь тошноту и внутреннюю дрожь. Страшно, жутковато, противно и не хочется. А куда денешься? Назвался груздем – полезай в кузов. Рядом бригада, и никто удовольствия от этого занятия не испытывает. А молотят! Олень пошел – лови день!

Через две недели – эмоций ноль. Тяжелая работа. Лимфа разъедает малейшую царапину на руках. Поясница болит – внагиб работаешь потный на ветру. И сноровисто так молотишь – раз! раз! раз! следующий.

И вдруг в какой-то момент, когда мы разогнулись перекурить, я поймал себя на страшной мысли. Что сейчас, поднаторев и втянувшийся – я мог бы точно так же разделать человека, причем живого. Под шею подложить чурочку, подвинув ее за специально вбитую скобу. Стукнуть по шее топором, голову отложить в сторону. Зажав меж двух пальцев кончик ножа, вскрыть брюхо и выпотрошить. Рассекая лезвием связки, по локтевым и коленным суставам отделить конечности. И никаких эмоций.

Вдруг я понял работу палача. Топор, плаха, туша, ничего особенного.

Других не спрашивал, не знаю. Такие мысли от себя нормальный человек гонит. И я гоню, а память хранит.

Не думаю, что я особенный. Может, воображение почувствительнее. Работа-то была вполне даже обычная.

После того сезона я завязал с охотой. Любой. Зачем же их убивать. Ты его можешь – а он тебя нет. И жизнь твоя от этого прокорма не зависит.

А еще помню краткую злобу, с которой один из наших ругал мертвого олененка, если нож уже тупился или провел им не там. Он его убил – и он же его ненавидит. Ну, чтобы дело и чувство соответствовали друг другу.

...Вот эти девочки с бутербродами в убойном цеху, ни разу не садистки, вот это чувство палача над разделанным оленем – они как раз иллюстрируют очень наглядно, как не только мировоззрение человека определяется его образом жизни, социальной ролью и корпоративными ценностями – но даже его мироощущение, его эмоциональный комплекс как реакция на внешнюю информацию – зависят от дела, которым человек занимается, от его группы и цели.

Готов повторить: человек есть приложение к его делу. И его мировоззрение – информационное обеспечение психического здоровья, цельности личности, что необходимо для эффективного функционирования при выполнении дела.

Твоя жизненная задача – это и есть ты.

(Р. С. Когда Ханна Арендт в «Банальности зла» описывает будничную деятельность и житейские мотивы функционеров гитлеровской машины уничтожения – она лишь честна и добросовестна: но эта добросовестная честность была воспринята общественностью, полагавшей идеал гуманизма сущностью человека, – была воспринята как философское откровение. Элементарную правду человеческой природы, если нельзя ее опровергнуть, – можно подать как открытие. Что называется – врать меньше надо себе и другим, не воображая желаемое действительным.)

Суворов

Знаменитый историк и писатель Виктор Суворов, он же профессиональный разведчик Владимир Богданович Резун, совершил поступок масштаба редкого, глобального. Он в одиночку перевернул устоявшееся мировое представление о причинах и начале величайшей из войн человечества – Второй Мировой. Такое деяние обычно именуется научным подвигом.

То есть с 22 июня 1941 года – дня нападения фашистской Германии на Советский Союз – и по сию пору исключительно и именно Германия, ее агрессивная политика и человеконенавистническая идеология, считалась виновником Второй Мировой. С Германией боролись союзники – СССР, США, Франция и все страны Британского Содружества: весь прогрессивный мир. Они повергли фашизм и осудили его Международным трибуналом в Нюрнберге: американцы, русские, англичане и французы. И главных фашистов повесили.

Немцы с 1939 года напали на Польшу, Данию, Голландию, Норвегию, Францию, Югославию, Грецию, и в конце концов на Советский Союз. Неготовый же к войне Советский Союз, первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян, войны боялся, пытался избежать, даже заключил с Гитлером мирный договор, который тот нарушил. И поначалу Советский Союз, конечно, терпел поражения в войне и отступал, потому что врагов было больше, техника у них была лучше и ее было больше, и они напали неожиданно.

Вот эти полувековые представления мировой общественности и всех историков Суворов опрокинул и разрушил. Причем исключительно фактами – конкретными и доступными.

Позвольте, сказал он, с 1 сентября 1939 года Германия захватила те-то и те-то страны с совершением таких-то военных действий. А СССР в тот же период, заключив с ней договор, захватил такие-то и такие-то страны с проведением таких-то военных действий: Финская война, аннексия Карелии, Эстонии, Латвии, Литвы, восточной части располовиненной с Германией Польши и Бесарабию с Буковиной у румын прихватила.

Вот сколько сил и техники было на 22 июня у немцев – и сколько у нас: танков и самолетов у нас больше в шесть раз, причем новейших образцов столько, сколько половина всей немецкой техники, где таких образцов вовсе не было. А личного состава столько же, а через неделю – вдвое больше, чем у немцев.

А вот как росла численность Красной Армии в 1939–1941 гг., а вот сколько новых частей было сформировано и каких.

А вот как передислоцировались наши войска в эти два года, особенно в предвоенные месяцы.

Немцы скрытно сосредоточились на нашей границе – а мы еще раньше скрытно сосредоточились на немецкой границе. Причем так скрытно сосредоточились, что по сей день ни в одном историческом труде нельзя прочесть, где же были дислоцированы советские войска, и какие именно, и сколько их вообще было, и когда они прибыли в места дислокации. А главное – с какой задачей они там расположились? Архивы засекречены. Карты засекречены. Не время еще раскрывать нам те секреты, товарищи.

Суворов в одиночку проделал этот гигантский труд, вылавливая информацию по крупинкам из разных статей и многочисленных военных мемуаров. И сложил мега-мозаику – Вооруженные Силы СССР в 1939–1941 гг. Рост численности и вооружений, передвижения, резервы.

Сначала этот подкоп под мировую историю блокировали, как могли. Потом сенсация прорвалась, и раздался вопль негодования профессиональных историков. А эхом – ругань и стон честных обывателей. Так что, мы все идиоты?! Ну, идиоты не идиоты, но как дети или пьяные: что-то видим – а зачем и почему понять не можем.

Однако в начале 90-х военные архивы чуток и ненадолго раскрыли, и выкладки Суворова подтверждались документально.

И теперь существуют две версии начала Второй Мировой войны.

Версия первая – суворовская: СССР готовил освободительный поход на Европу с целью установления социализма. Он приготовил горы оружия и милитаризовал всю страну. А оккупант Европы смутьян Гитлер действовал ему на руку: ослабить Европу и заставить мечтать об освобождении. Но – Гитлер понял подготовку удара ему в спину и ударил первый, чтобы спасти себя. Почти совсем готовая к нападению, но не готовая к обороне Красная Армия терпела сокрушительные поражения 41 года.

Версия вторая – официально-шизофреническая: Советский Союз боялся войны и хотел ее избежать или оттянуть, поэтому он не верил предупреждениям о скором начале войны, но тайно сосредоточил огромные силы на границе, но запретил им поддаваться на любые провокации немцев, но накануне стал снимать колючую проволоку на границе, разминировать самими же заминированные пограничные мосты и начали отселять местное население из приграничной полосы: войну не ждали – но все чувствовали, что она скоро начнется! Но немцы напали неожиданно! И плана обороны страны у нас не оказалось. Ну как-то не нашли его нигде.

Официальная версия категорически опровергает Суворова в главном: ну допустим даже, вы правильно все написали, кроме одного – не хотели мы нападать первыми, нет, никогда! А почему тогда война стала неожиданной, если Москва уже фронты образовала и полевые командные пункты подготовила? Ну, это они на всякий случай. А проволоку зачем снимали? Это местная глупость. А войска зачем в приграничных лесах спрятали? Ну, чтоб усилить границу на случай нападения. А гигантские склады боеприпасов и ГСМ прямо у границы зачем? А вот это головотяпство, Сталин армию-то обезглавил перед войной.

То есть:

Версия первая: СССР был отлично готов к наступательной войне, и Сталин не верил, что гораздо более слабая Германия нападет на своего союзника-поставщика СССР, ввязавшись в губительную войну на два фронта. Но Гитлер сыграл ва-банк, чтоб не попасть под Сталина, если тот ударит первым – а подготовку СССР к войне вовсе скрыть было невозможно.

Версия вторая: все советское командование во главе со Сталиным были идиоты, ибо с точки зрения обороны их действия выглядят дико. Они провели скрытую мобилизацию, подготовили мобилизацию общую, напечатали военные плакаты и написали военные песни. Они перебросили к границе в два эшелона практически всю армию. Но ничего не понимали ни в планах обороны, ни в расположениях войск, ни в строительстве укреплений, ни в боеготовности. Согнали толпы людей и горы техники к границе и запретили обороняться без особого приказа, чтоб не дай бог не рассердить Гитлера. Немцы всех и перемололи. Меньшим числом и меньшей техникой.

...Эти общеизвестные ныне вещи я кратко повторил здесь лишь с одной целью. Суворов, человек к жалобам отнюдь не склонный, биография не та, пару раз в разговорах посетовал мне на непостижимую, непробиваемую глупость ряда читателей вообще и историков в частности.

– Ты понимаешь, ну ведь все уже разложено; ну уже ставишь вопрос элементарно: граждане, послушайте, а если бы Гитлер не напал – мы так бы и были союзником фашистской Германии все десять лет действия Договора? Они бы продолжали завоевывать Англию, оккупировать всю Европу, готовить межконтинентальные ракеты на США, разрабатывать атомную бомбу – а мы поставляли бы им чугун, уголь, нефть, зерно, редкоземы для брони и бронебойных снарядов и поздравляли с днем рождения товарища Адольфа Гитлера, лучшего друга трудящихся немцев? Молчат!.. «Сталин знал, что Гитлер все равно нападет». Так построй оборону, заройся в землю, доведи до каждого план действий и передай кодовое слово при нападении. У нас была наступательная доктрина первого удара – так что вы крутитесь и изворачиваетесь? А вы что – не видите наступательного характера всей диспозиции? Ударные группы армий в выступлениях!

То есть. Очень ясно и логически мыслящий человек. Доводящий мысль до предельной простоты. Реконструировал по сотням тысяч деталей картину. Бесспорно достоверную. Кото-

рую невозможно опровергнуть. Можно уточнять отдельные частности, но именно отдельные частности. И эта картина, эта модель многосложной действительности, обладает абсолютной объясняющей силой. С точки зрения вот такого хода вещей, вот такой теории реконструкции все поступки, перемещения, изменения, приказы – все происходящее в два предвоенные года в СССР становится логичным, объяснимым, правильным, оправданным поставленными целями.

Традиционная официальная версия не объясняет ничего, оправдывая любую несурязицу глупостью командования и армейским головотяпством. Это как джокер в картах историка – шлеп из рукава: «А потому что глупость, чего еще объяснять».

И вот масса людей, да и подавляющее большинство историков – отнюдь не только российских – логичную и скрупулезно доказательную точку зрения Суворова не приемлют. Расклад простой: Гитлер сволочь – Сталин дурак. Гитлер агрессор – Сталин жертва. Гитлер-убийца сожжен – Сталин-союзник среди победителей.

Нацизм реабилитации не подлежит. Нюрнбергский трибунал пересмотру не подлежит. А что это значит? Что в любом столкновении нацизма с кем угодно всегда виноват нацизм – и значит другой прав. Нацизм всегда агрессор – и значит другой жертва агрессии. Агрессия – всегда плохо. Жертва – всегда хорошо, в смысле морально, в смысле жертва всегда права, а агрессор всегда неправ.

Уравнять в замыслах Гитлера и Сталина – значит Гитлера отчасти обелить. Как бы оба, если изолированно брать данный конкретный случай, виноваты в равной степени. А если принять ту – геббельсовскую, геббельсовскую! – точку зрения, что Гитлер хотел лишь обезопаситься от советского нападения, а Сталин хотел советизировать всю Европу – так ничего себе! Это что, вообще Сталин хуже Гитлера?!

Внимание.

Происходит когнитивный диссонанс.

Сталкиваются две взаимоисключающие мысли – две разные картины мира:

Картина первая: Советский Союз – жертва агрессии: мы мирные, честные, сильные, но доверчивые и не готовые. Хорошие мы, правильные, достойные! Но нас обманули, коварно перехитрили – и жестоко напали. Ну, а недостатки и просчеты у нас, конечно, были. Правда, значит у нас много идиотов и раздолбаев. Но подлецов нет!

Картина вторая: Советский Союз хотел ударить по Германии и взять под себя Европу. И тогда он действовал логично, правильно, эффективно! И хотел сокрушить фашизм и установить везде коммунизм – чего программно никогда не скрывал. Но в таком случае он коварный, жестокий, скрывает правду, это он начал 2-ю Мировую войну в большей степени, чем Германия, и уж в гораздо большей, чем Англия (которая, собственно, 3 сентября 1939 объявила войну Германии, чем и началась 2-я Мировая).

Резюмируя грубо: СССР был умен, силен и готов уничтожить фашизм – и был он при этом упрежденный агрессор, который спланировал, спровоцировал и фактически запустил самую страшную из войн.

Еще грубее: Советский Союз был либо глупый и хороший – либо умный и плохой. Честный дурак – или умный подлец.

И народы, победившие гитлеровский фашизм, утверждают: среди нас не было подлецов – ни умных, ни глупых! Борьба с германским фашизмом есть добро, и борцы – нравственны!

Групповая самоидентификация не позволяет большинству признать себя народом агрессивным, подлым и жестоким. Это противоречит моральной самооценке! Мы доверчивы, разгильдяисты и даже технически отстали – ладно, это пожалуйста. Но подлы, лживы, коварны и жестоки – да ни за что!

Психологическая и мировоззренческая корпоративная истина – против объективной и нейтральной.

Моральная самооценка – против объективной, ей противоречащей.

И в результате? Человек и народ отвергают очевидную истину – если эта истина снижает его моральную самооценку, разрушает его самоидентификацию и его миропонимание.

Моральная хорошость человека и народа есть стержень, вокруг которого выстраивается индивидуальное и групповое (народное) мировоззрение и миропонимание.

...Для обычного человека и группы понять – означает оправдать; понять – адекватно моральному приятию, согласию, добрению. Для обычного человека и толпы существует только то объяснение событий, которое служит к его чести – его оправданию, одобрению, моральному согласию, нравственному утверждению. Все действия СССР в связи со 2-й Мировой должны быть морально оправданы – ибо СССР сокрушил фашизм. Народное сознание воспринимает только дихотомию: черное – белое. Гитлер плохой? – значит СССР хороший! Все. Оттенков и полутонов человек толпы не понимает.

...Человеку говорят: твоя мать – шлюха, вот неопровержимые факты. Нормальный человек отвечает: ты мерзавец и лжец, моя мать добрая и честная женщина, заботящаяся обо мне, а тебе я заткну твою подлую глотку.

И если истина противоречит групповой самоидентификации – которая всегда позитивна! – то истина отвергается ради сохранения самоидентификации. (Каковая позитивная самоидентификация необходима социальной системе для существования, функционирования и выполнения объективной задачи.)

Поэтому пророк не должен удивляться ни побиванию камнями, ни костру, ни глумливой рецензии на книгу. Больно, конечно, обидно, досадно. Но логично.

Очевидность и неопровержимость истины отнюдь не гарантируют ни понимания, ни согласия с ней.

Интеллектуальный консерватизм есть отражение инстинкта морального самосохранения. Сохранить свой мир, дабы сохранить свою личность – свое функционирование в этом мире в согласии со своим пониманием и оценкой этого мира.

Любая интеллектуальная новация задевает внутреннее равновесие личностей, кто соприкасаются с этой новой, измененной информацией. А личности стремятся сохранить себя – свое внутреннее равновесие, свой мир и себя в нем!

Светает; страшно перечесать; кому порукой ваша честь?.. Если ты объявил хорошее плохим – и тогда с гениальной ясностью открылась картина мира, прежде запутанная, непонятная и туманная – аплодисментов не будет. Скандал – да, страшный. А оваций – не дождешься.

Кстати, Дарвина многие мечтали сжечь. Ничего, Ламарк просто умер забытый в нищете.

Человек и толпа ненавидят и отвергают истину, которая ломает их картину мира. А особенно если она рушит их мировоззрение и лишает смысла их убеждения и саму жизнь.

Это не только ко Второй мировой относится. Вообще ко всему. Но сразу трудно принять это.

Гений и толпа *в смысле согласия-несогласия информации*

Социум по факту должен иметь единообразные точки зрения по основным предметам. Это единое мнение уже не есть вопрос рационального подхода – но символ веры, знак единства, причастности к социуму.

Мнение, соответствующее принятому – это маркер системы распознавания «свой – чужой». А когда свой вдруг оказывается при выяснении мнений чужим – это явный гад и предатель.

Явление это носит объективный характер. Значимость объединяющего факта может быть абсолютно условна. Наилучший пример – футбольные фанаты. Какая команда в какую игру – не один ли хрен?! Но – отыскать достоинства у своего и недостатки у чужого.

Единство объединяющего мнения – это информационный уровень самоструктуризации социума из аморфной массы в ориентированный коллектив. Это момент самоусложнения социума – а самоусложнение носит характер природный, естественный, вселенский.

Итак. Вот есть некое принятое в стране и народе мнение. Как правило – насчет исторических событий. Как правило – к славе данного народа и в некоторое посрамление народа-врага-партнера.

Завышенная коллективная (групповая) самооценка и косметическая ложь в истории – это нормально. Но сейчас мы о другом. О степени устойчивости устоявшейся оценки.

Самый общий пример – образ матери. Самый родной, первейший, начальный человек, воплощение любви, заботы и самоотверженности. Это воспринимается инстинктивно в первые же дни, недели, месяцы жизни. Далее мать может оказаться плохим человеком – но базовое отношение первично, остается. Если же мать порочат со стороны, уличают другие в дурных поступках – это чужое мнение не только отвергается, но оскорбительно. Плохо отозваться о твоей матери – оскорбить тебя и показать себя в твоих глазах дерьмом и врагом; если это правда – то еще хуже: тем большее оскорбление, тем непримиримее неприязнь.

Спор футбольных фанатов – тут предмет объективно безразличен, ибо суть – в приверженности корпоративной ценности и более того – корпоративной истине.

Внимание! —

Корпоративная ценность имеет свойство укореняться и принимать качество корпоративной истины. О-па?

Итак.

Когда речь идет об истории народа – ее славе и достижениях – мы имеем дело с корпоративными ценностями. Высокая групповая самооценка поднимает нас в собственных глазах. Дает основания гордиться собой, быть довольным, удовлетворенным, уважать себя. Мы убеждаемся в высокой степени своей групповой самореализации.

Кроме того.

Есть набор качеств, которые всегда ценятся и которые каждый (если судьба позволяет) народ хотел бы иметь:

Сила. Благородство. Ум. Стойкость. Честность. Верность. Выносливость. Трудолюбие. Храбрость. Мужество. Бесстрашие. Великодушие. Бескорыстие. Щедрость. Талантливость. Изобретательность. Красота, кстати. Доброта.

А есть качества вроде бы мешающие народу, но простительные, проистекающие из продолжения его благородных достоинств:

Наивность. Доверчивость. Простота. Терпение. Верность договору даже вопреки собственным интересам.

А есть недостатки, которые народы склонны себе прощать:

Лень. Безалаберность. Мотовство. Легкомыслие.

Теперь – немного о прошлом: II Мировая война и СССР.

Удивительно, казалось бы:

Уже смирились с тем известным, что был Красный Террор, что уничтожили интеллигенцию, дворянство и духовенство. Что раскулачили и выморили всех трудолюбивых и умелых крестьян в коллективизацию. Что уничтожили перед войной всю армейскую верхушку. Что расстреляли в 1937–1938 гг. 800 000 человек, уничтожили всю старую партию Ленина, сгноили несколько (сколько?..) миллионов людей в лагерях. Что был страшный Голодомор. Но!!! Признать, что расстреляли 20 000 польских офицеров – трудно! Не может быть! Вот уж это – клевета! Разум отказывается верить.

Почему?.. А потому что информация новая – это раз. И потому что со зверствами внутренней политики народ смирился – «репрессии были неизбежны при индустриализации». А вот зверства во внешней политике – мы не приемлем! Ибо в целом мы – наследники СССР – хорошие! Честные! Благородные! Гуманные! Не смейте клеветать.

Что мы делали сами с собой – это наше внутреннее дело. И мы признали ошибки и преступления. А вот обвинения со стороны, от других, от чужих, что мы над ними преступления совершали – это совсем другое дело. Это как бы возлагают на нас на всех коллективную ответственность: русские против поляков или русские против финнов. Это вызывает у нас моральное отторжение. Это нам очень неприятно от вас слышать, что-то очень поганое есть в ваших обвинениях, мараящее нашу национальную честь и гордость.

Обвинение извне наносит ущерб нашей групповой – и через то индивидуальной – идентичности. Типа: хоть лично ты и хороший парень – но вообще вы, русские, сволочи.

Вроде как у Пушкина: ругая свое отечество, но от иностранца слышать такое досадно. А потому что Пушкин сам был часть отечества. И когда он ругает – он себя от дряней отделяет. А когда иностранец ругает – он говорит: «Вы. У вас. У русских». И Пушкин причастен. А он не дрянь! И вот эта семантическая разница употребления личных местоимений первого и второго лица «мы – вы» – она болезненно задевает: ты с близкими тоже попадаешь под раздачу.

За ГУЛАГ отвечает проклятое НКВД. А вот за расстрелы поляков или зверства в Германии отвечает вроде как весь народ или вся армия. А вот тут мы не согласны. Хотя не успеваем разобраться в психологических причинах своего отношения.

Системная правильность и оправданность своего социума по сравнению с другими и при столкновении с другими – это важнейший и глубочайший архетип человеческого сознания. Я бы даже рискнул сказать – коллективного бессознательного.

Поэтому. Когда Суворов говорит, что СССР хотел напасть на Германию. То. Вопреки логике. Вопреки тому, что фашизм был наш враг, а союз с ним был дипломатическим маневром. Вопреки тому, что неизбежность войны была понятна всем, и Сталину в первую очередь. Вопреки тому, что предоставлять смертельному врагу инициативу в войне – то есть позволять ему нанести первый удар по нашим войскам и нашей территории – есть преступление перед своей страной и страшная стратегическая ошибка. Вопреки тому, что удар Германии по нашим изготовленным к нападению, но не готовым к обороне войскам – снимает упреки в неумении воевать, в плохом вооружении и необученности войск. Вопреки тому, что такая точка зрения есть спасение нашей чести, нашего умения думать, работать и воевать. Вопреки всему! – Народное сознание против.

Ибо архетип: мы миролюбивы, мы никогда ни на кого не нападали первыми, мы гуманные, мы всегда за мир. А иная точка зрения – пачкает нас в собственных глазах. Мы не можем быть агрессором! Ни за что!

А ударили по Японии? А она плохая, лелеяла замыслы, а мы во исполнение союзнического долга по договору с нашими союзниками.

А напали на Финляндию? Мы не могли же допустить, чтобы так близко от города Ленина! Предлагали им другую территорию, а они не захотели отдать нам Карелию.

А Прибалтика? А у них произошли революции, их народ сам к нам решил присоединиться. И вообще в начинающейся войне – не мы, так немцы бы их оккупировали.

(И точно так же оправдывали и одобряли бы нападение СССР на Германию: мощная государственная пропаганда создала бы миф о праведности и необходимости этого шага, и народ верил и гордился собой и своей мудрой, сильной, правой страной!!!)

Моя страна – всегда права, хорошая и миролюбивая.

И никакими аргументами ты не перешибешь социальный инстинкт. А социальный инстинкт повелевает защищать свой социум и ставить его выше прочих. А на вербальном уровне информационного аспекта – социальный инстинкт проявляется в отрицании всего, что не соответствует положительному образу своего социума в глазах личности. Все! Это – инстинкт. А убеждения – это оформление инстинкта на уровне логики, и только.

В определенном смысле социальный инстинкт можно назвать консервативным. Все за одно – и все сохраняют то, что уже есть, победило ранее врагов, препятствия, иные мнения, причем неоднократно. И вот – придерживаясь наших истин и наших ценностей, мы тут живем, и неплохо живем. И наша неплохая жизнь – наилучшее доказательство истинности наших взглядов.

Консерватизм обеспечивает устойчивость системы.

Но. Все течет, все изменяется. Появляются новые вызовы, надо приспосабливаться к новым условиям существования. Зреет готовность к социальной мутации. К эволюционному изменению социума.

Мутанты – это кто? Инакомыслящие. Те, кто хотят странного. Блаженные, психи, чудики, люди с вывихнутым мозгом. Почти все их прожекты – бред, ерунда, фигня, плоды ошибок и психических сдвигов. Ан светит малый процент здравых суждений! В этом безумстве есть, однако, своя логика и расчет.

И когда социальная система близится к неустойчивому состоянию, и трещит каркас мировоззрения, и жутковатый лик Непонятого высовывается из обломков вчерашнего благополучия – вот тут вперед выходит укротитель, фокусник, объяснитель и создатель, и возглавляет очередную Перестройку цивилизации: науки, политики, культуры. Еще вчера он был незаметен – а если замечен, то осмеян и оплеван. Но История делает поворот – и он оказывается впереди.

Строго говоря, это и есть гений. Гений – это человек, для которого истина социума, большинства, консервативная и корпоративная истина – не более чем информация к сведению и размышлению. Но отнюдь не указатель на дороге, и не поляна, обвешенная запретными красными флажками.

Гений – это самостоятельность, наглость, скептицизм, неудовлетворенность. И принципиальное отрицание запретного и невозможного.

Гений – это принципиально новое решение проблемы.

Нонконформисты, нигилисты, скандалисты и фантазеры – это грядка, где с кучей навоза перемешаны жемчужины. Как зерна истины, они дают всходы будущего.

Пророк – это тот, кто видит истину, заслоненную от толпы стеной, построенной вчера и не дающей идти дальше.

Короче и проще: социуму необходимо меньшинство, которое адекватно воспринимает информацию и транслирует ее большинству. Чаще всего большинство уничтожает дестабилизирующее меньшинство – из инстинкта самосохранения. Но социум всегда продолжает генерировать из своих недр это меньшинство! Потому что обратная связь со средой системе (социальной) также необходима. Иначе косный социум не сумеет разглядеть изменения, не приспособится к ним и погибнет.

Так что с корпоративной, социальной точки зрения, гений – это информационный урод. Он не так видит и не тому учит.

Хула и травля – знак качества для пророка.

Травля – это налог на гениальность. Гений всегда перечит толпе. А пуще всего толпа мстит тому, кому вчера поклонялась. Так сказать, чувство меняет знак, сохраняя силу.

Дуализм, понимаешь. Диалектика, опять же. Единство и борьбе противоположностей. В том числе – двух противоположных истин, которые равно необходимы.

...Гераклит из Эфеса, сын царя и потомок основателя города, отказался от власти, сбросил багряный плащ, швырял грязью в неразумных сограждан, удалился в горы, и никто не знает, велел ли он похоронить себя по зороастрийскому обряду, или обмазался перед смертью навозом как средством от водянки.

Ленин и мумия

Сидели мы вечером на кухне тесной и теплой компанией недавних выпускников университета. Ныне – сторублевых учителей и мэнээсов. Середина семидесятых за окном стояла, самое что ни на есть брежневское время – тихо, глухо и стабильно, как мухе в тесте.

И говорили о том, что так дальше жить нельзя. Тотальная ложь, любая инициатива давится, границы в мир закрыты, цензура обезумела, КГБ ловит ведьм, перспективой не пахнет. Но вспыхивали и встречные патриотические голоса: бесплатное образование, гарантированная сторублевая работа хоть где, бандитизма у нас нет, а человек человеку брат.

Углубились в истоки, помянули родной Ленинград как «люльку трех революций», и черт меня дернул за язык насчет того, что почитать святыней державы мумию вождя в мини-пирамиде посреди столицы – это вообще-то диковато, если вдуматься: архаика египетская!

Акустическое пространство разделилось на краткое ржание меньшинства и глубокое молчание большинства. Затем одна наша девочка, уже мать двух детей и член партии, отреагировала с внутренней дрожью в голосе, что она никогда не воспринимала Ленина в Мавзолее как мумию. И звучало внутри того голоса, женского, материнского, что я ей друг, но чужого сдала бы куда надо с такими мыслями и мировоззрением враждебным нам и чуждым.

И тут муж ее, также коммунист и перспективный молодой офицер, крикнул, закурил и пробурчал в мою защиту: но ведь действительно мумия, а что ж это еще такое. И в воздухе сгустился семейный конфликт на ровном месте.

Девочка-жена-коммунист чуть не заплакала. И сказала, что оно, может, и так, но все-таки не так. И для миллионов людей, и сотен миллионов во всем мире, это не мумия, хотя физически, материально, может и так – но духовно совсем не так! А это гений, который освободил народы и указал путь к равенству и счастью всех, кто трудится, а об этом люди тысячи лет мечтали, а Ленин своим великим гением это сделал, и мы все ему обязаны, живя в стране, которую он создал и его ученики.

Тогда все вспомнили бессмертный тост разведчика «За нашу победу!», чокнулись и выпили, и проехали скорей подальше это политическое место. Ну, чтобы одни не выглядели дураками, а вторые предателями, потому что все мы друг друга любили.

Из этого следует мораль первая. Главное – дать происходящему нужное название. А там – хоть ковер из мечети выноси, как говорят наши башибузукистые друзья турки.

Мораль вторая. Любой предмет можно по-разному назвать и соответственно рассматривать и расценивать его с разных сторон.

Мораль третья. Мы рассматриваем и расцениваем объект с точки зрения собственного мировоззрения и в своем информационном поле приводим его в системное соответствие, в системное единство со всей своей картиной мира. Мы находим такой угол зрения, такую перспективу, чтобы объект гармонично вписался в общую картину нашего мира.

И если объект вдруг подадут нам неожиданной стороной, окрашенным не в те слова, получившим непривычный смысл – он не лезет в нашу картину мира, не соответствует, не гармонирует с окружающими конструкциями! И мы выбрасываем его вон, как не подошедший камушек мозаики, не того размера стекло витража, не встающую на место деталь Лего.

При столкновении и несоответствии частного с общим – человек, естественно, стремится прежде всего сохранить общее. И если частное его нарушает – самое простое решение выкинуть это частное вон. Чтоб не мешало. Не рушило конструкцию мира.

Назвать Ленина в Мавзолее мумией – означает покуситься на все мировоззрение советского коммуниста-ленинца. Качнуть все устои, усомниться во всех истинах. Посягнуть на его убеждения и весь его мир. Это все равно что в косвенной форме назвать его дураком с лож-

ными убеждениями и ошибочным мировоззрением, и работает он на неправильное и ненужное дело, и жизнь его бессмысленна получается и даже вредна тогда.

За это муж-офицер лет на сорок пораньше меня бы расстрелял лично. Но тут Хрущев с 20-м Съездом и Брежнев с либерализмом уже расслабили народ, отравили скептицизмом...

Мне что представляется интересным и примечательным в том мелком случае? Наготу простейшего противопоставления. Да – Ленин мумия. Но нет – он не мумия!

Человек не хочет принимать слово, которое стилистически противоречит его картине мира. Он согласен с этим словом, с его семантическим наполнением – со смыслом то бишь, со значением его. Он согласен, что это так! Но он не согласен! Нельзя этим словом характеризовать объект – эта характеристика неприемлема! Хотя верна. Но не верна! Потому что стилистический оборот слова разрушает картину мира этого человека.

В результате?

Человек не может воспринять информацию об объекте, если эта информация противоречит его мировоззрению.

Искренне не может! Такова психология личности и такова социальная психология. Так устроено наше сознание и подсознание.

Предварительные итоги

Информационное пространство, в котором мысленно (и эмоционально, это очень важно) пребывает человек, не является единым, цельным и полностью взаимосогласованным. Нет.

Оно не цельно, разломлено на два или более измерения, отчасти фрагментарно. Его измерения, плоскости, аспекты – кое в чем не согласованы, более того – противоречат друг другу; более того – автономны.

Человек живет в нескольких информационных мирах, пребывает в нескольких разных информационных сферах.

Мир первый – личный опыт. Видит своими глазами, слышит своими ушами, чувствует на собственной шкуре. Это его семья, его родители и его класс в школе, его квартира и его двор, его друзья и знакомые. Позднее – его дети и сослуживцы, начальники и подчиненные, продавщицы и официанты, партнеры и защитники. Правит им в этом мире его личный прикладной интерес, семейный инстинкт, тяга к комфорту, эгоизм, но и чувство справедливости. Этот мир человек знает конкретно, и в своих знаниях уверен. Свою конкретную выгоду и невыгоду понимает ясно, а правду от лжи отличает легко. Это мир эмпирической информации, познаваемой непосредственно чувствами субъекта и анализируемой его собственным разумом.

Мир второй, более общий – мир групповых представлений и отношений. А эти групповые представления и отношения базируются на групповых интересах, связаны с групповыми интересами, с существованием и утверждением своей группы. Самый простой пример самого элементарного уровня – в споре двух семей жена всегда на стороне мужа. Каждая из двух семей видит спорный объект (процесс) с точки зрения собственной аргументации – а аргументация определяется интересом (хотя и корректируется представлением о справедливости). А уж спор двух бригад – это кого лучше обеспечили и кто получил легче задание. Мир второй – это мир корпоративных истин: здесь мои друзья, коллеги, партнеры, мы одна команда, я их знаю и верю им, они хорошие проверенные ребята – а другая команда мне мало известна, от них всякого ожидать можно, во все их нюансы и аргументы я вникнуть не в состоянии. Конечно, я верю своим, а не чужим. Со своими все понятно – а чужие мало ли чего захотят и заявят. Социальный инстинкт заставляет человека принимать корпоративную истину в случае конфликта представлений между группами.

Мир третий – это мир мой и моей команды в общем смысле, на уровне Большой Группы – страны, народа, религии. Я не знаком с моим президентом и министрами, депутатами парламента и генералами, но мы с ними в одной большой команде, в одном большом мире, вместе проходили войны и стройки – пусть на разном уровне, но одной страной и в одно время – и в общем я им верю. Как же не верить. Они умные и сильные, раз так высоко пробились и рулят. У нас общие враги, общие интересы и цели – одна страна ведь! Мне говорят о них хорошее – и я верю, ведь мы вместе идем к цели и так далее. В этом третьем мире представлений работают уже социально-центростремительные силы. Человек инстинктивно стремится быть частицей общего могущества. А для того необходимо и представления иметь общие. Ибо в основе представлений – «это моя родина, моя страна, мой народ, мы – свои, и хотим мы всего хорошего и справедливого, для того и начальники».

Мир четвертый – это уже мир полностью внушенной информации, наведенной, сообщенной, принятой на веру, потому что лично ты и твоя малая группа проверить это опытом никак не могут. Земля вращается вокруг Солнца. Иисус воскрес на третий день. Олег прибил щит к воротам Царьграда. Православная вера истинная. Ленин был самый гуманный из людей. Советский Союз последовательно проводил миролюбивую политику, пока не подвергся коварному и неспровоцированному нападению Германии. Это как? Это лекции, книги, учебники, пропагандисты, кино и газеты, авторитетные люди сказали и повторили много раз – и сложили

тебе общую картину мира. А в Германии говорили: арийцы выше всех, все зло от евреев, славянских унтерменшей надо рассортировать как слуг, а Советский Союз готов коварно напасть и нас уничтожить. А радикальный ислам учит: растленный Запад надо стереть и создать всемирный халифат. А либералы говорят: любое насилие недопустимо, а люди все равны.

Повторим – сферы информационных миров человека:

мир личностный

мир групповой

мир большой группы

мир общий, научный, идеологический, абстрактный.

Вот в единстве и противоречии этих информационных миров человек не просто существует, но определяет свое мнение по каждому поводу. И что характерно – все четыре мира, четыре информационных измерения – должны гармонически совмещаться в его сознании. Ну, если столкнутся. Вот если случится повод столкнуться двум или более информационным измерениям – сознание человека должно их примирить и в данной точке совместить воедино. Иначе будет когнитивный диссонанс, то есть несовпадение одновременных представлений о предмете, то есть раздвоение сознания, то есть шизофрения просто. А этого вот нельзя!!

Сознание человека устроено так, чтобы он мог действовать максимально эффективно. А для этого по любому вопросу должно быть принято верное решение – то есть самое эффективное решение. А самое эффективное – есть единственно правильное. Потому что в инстинкте прежде всего – выжить и победить! Любое отступление от этой линии поведения – ошибка! Даешь единственное решение – оно же спасительное, верное, победное!

И все варианты решений, мнений, возможностей и вообще картин мира человек сводит к двум: верная – и не верная. Одна – верная, все остальные – не верные.

Если человек, советский крестьянин, скажем, колхозник, осознает, что его жизнь в принципе беспросветна, рабская она и нищенская, и иной быть не может – он или удавится, или сопьется, или уйдет в бродяги, или бунт поднимет от отчаянья. Но в любом случае государство, которое обеспечило ему такую жизнь, возненавидит лютой ненавистью. И уничтожит при первой возможности.

Но если фильм «Кубанские казаки» и лектор райкома партии объяснят, что вообще в колхозах жизнь прекрасная, а вы вот здесь плохо работаете, и поэтому плоховато пока живете – у человека наступит мир в душе. Раб поверит в близкое счастье, которое уже настало у других. И миф ему будет дорог! Ибо обеспечивает душевное здоровье, спасает от сумасшествия и депрессии безысходной: ведь не рыпнешься...

Наведенный лживый мир может быть предпочтен правдивому личному – если обеспечивает душевный комфорт и положительные эмоции. Если ты не можешь изменить свое ужасное положение – ты должен поверить, что оно не так ужасно, выход есть и близок, жизнь прекрасна и справедлива, вот только еще немного потерпеть и получше поработать!..

Человеку не нужна правда, от которой ему хуже живется и он впадает в депрессию, потеряв смысл жизни. Он ее ненавидит! Он воображает правдой ложь, если ему так приятнее живется. Короче – да! давно знают! человек верит в то, во что хочет верить! А хочет он верить в то, от чего ему лучше, приятнее, комфортнее, веселее. Чтoб уважать себя и жить хорошо.

...Парадокс в том, что собственный опыт, личную информацию, человек ставит в результате конфликтов ниже всего. Групповую – над ней. А самую абстрактную научно-идеологическую информацию – выше всех.

И тогда строится четкая вертикальная линия: мои труды и страдания – в числе групповых, им подчинены и так имеют смысл, а групповые труды и страдания – в общем объеме самых общих и абстрактных, идеологических и научных.

Тогда – что? Тогда, меняя что-то в самых общих информационных конструкциях – ты вертикальный луч оттуда сверху и до моего низу смещаешь с фокуса, и я уже не попадаю под

генеральную линию этого луча, мои труды и тяготы, мечты и победы были мимо главного хода дел, что ли?!

Я отрицаю правду, которая отрицает мой мир и смысл моей жизни.

Но мы продолжим.

Часть вторая
Иллюзии истории

Пушкин в системе ценностей

Отношение к Пушкину для русского человека – отнюдь не вопрос литературного вкуса или даже общей образованности. Поклонение Пушкину – это символ веры. В русской культуре это святыня.

Любовь к Пушкину для русского – это так же, как любовь к Родине, родителям, березкам и славным подвигам предков. Пункт обязательного списка. Характеристика моральной пригодности.

Любовь к Пушкину означает духовную причастность ценностям своего народа. Сигнал опознавательной системы «свой – чужой».

Однажды в Петербурге, сев к бомбиле, я сказал ехать на Стрелку, к Пушкинскому Дому. Водитель, экспансивный кавказец, уразумев разъяснения адреса, в знак своей компетентности возгласил с шумным акцентом: «Вот Пушкин был, да? Сколько лет написал – все знают! Молодец, да?» Вряд ли он читал Пушкина даже в школе – если он ходил в школу. Но Пушкин как знак величия русских ему был известен.

Очень мало кто читал сегодня «Записки русского путешественника» Карамзина или баллады Жуковского, не говоря об «Иване Выжигине» Булгарина или «Русских в 1812 году» Загоскина. А ведь были книги знаменитые, куда выше почитаемые современниками, нежели «Евгений Онегин» и «Капитанская дочка». В те времена любить Пушкина было совсем не обязательно, номером первым русской словесности он отнюдь не был, а отношение критики случалось весьма прохладно; да и тиражи сильно уступали тогдашним бестселлерам.

В результате длительной и сложной культурной эволюции – эволюции социальной, политической, идеологической, а также эстетической и пропагандистской – на литературной доске ретроспективно произошла масса перемещений. Критики, литературоведы и политики-пропагандисты мяли общественное мнение, как скульптор глину. И всякий диспетчер общественного мнения руководствовался собственными вкусами и интересами – субъективно или объективно, прямо или косвенно менял картину литературы прошлого.

Фиксируя и анализируя историю – мы всегда корректируем ее согласно собственным представлениям о сущем и должном. Историк не просто пристрастен – он соучаствует в сотворении истории. Толпа историков всегда имеет претензию подменить собой Божию Рать.

Никто и никогда не обвинял Пушкина в бездарности – но ни один талант не может достичь высот мифа о себе. А великий миф сложился эффектно и эффективно из вех биографии – ссылка, дуэли, красавица-жена, близость к царю, трагическая смерть – и далее использование политиками! Юношеские стихи о свободе цитировали оппозиционеры и революционеры всех мастей, поэта изображали жертвой душителя-царя, а советская власть и вовсе создала образ Пушкина – борца с царизмом и его жертвы. (Несчастный Николай! Богато содержал придворного поэта, уплатил по смерти полтора ста тысяч золотых рублей карточных и иных долгов, ввел в придворный круг – а взамен только иногда написать нужные государству стихи. Потомки таки неблагодарны.)

Табель о рангах литературного (да и любой корпорации) пантеона – это один из архетипов социокультурного пространства. Структура литературного пантеона такова, что в середине эдакого полусферического пространства, эдакой пещеры в толще времени, стоит высокий постамент-колонна для Номера Первого. Вокруг кольцом колонны пониже, штук шесть. Это для Номеров Вторых – тоже гениев, но не такого масштаба. А по периферии дюжина постаментов-пеньков для Номеров Третьих – большие таланты, но уже не гении.

Яркий свет сфокусирован на Номере Первом, хорошо освещены и Вторые Номера, а уж по краю полумрака теснятся у стен таланты и одаренности, которым ни постаментов, ни пьедесталов не досталось. Но если порыться в литературном хламе – мы и их отыщем и вспомним.

Что произойдет, если Номер Первый на центральном высоком пьедестале – вдруг исчезнет? аннигилирует? бесследно изымется из истории? – Произойдет мгновенная рокировка, и один из Номеров Вторых окажется на пьедестале Номера Первого. То есть. Номер Первый есть всегда! Как есть первый в любом забеге и любом соревновании. Сколько бы ты ни убирал самых быстрых – все равно один будет быстрее прочих.

Исчезнет Пушкин – Номером Первым мгновенно воплотится Лермонтов. Исчезнет Лермонтов – пьедестал Первого займет Гоголь. Свято место пусто не бывает. Точно?

Не всегда почитался Номером Первым в английской литературе Шекспир. Не всегда расценивался как гений Бах. И вообще современники утомили Сократа. А Маяковский стал «лучшим поэтом советской современности» после реакции товарища Сталина на письмо Лили Брик, посмертно.

И вот здесь отношение к Пушкину в школьном учебнике и отношение к Пастернаку или Бродскому в гуманитарно-свободомыслящей российской среде – ничем принципиально не отличаются. Поклонение – знак причастности к своей касте. Не-поклонение, тем паче критика, а уж вообще недопустима не-любовь – знак глупости, невежества, плебейства и душевного хамства. Это уже не вопрос литературного вкуса!

Есть грань, за которой вопрос разума переходит в вопрос веры. Рациональное переворачивается в моральное. Правильно и неправильно превращаются в хорошо и плохо.

Если ты не признаешь наших оценок первых гениев – то ты не разделяешь наше мировоззрение. Ты неправильно видишь нашу пещеру – или стоишь не там, или зашел не туда. Значит ты чужой. А живешь среди нас. Жрешь наш хлеб и дышишь нашим воздухом. А нас считаешь дураками – ниже себя то есть. Кто ты после этого? Гадина ты после этого! Предатель, пятая колонна, низкопоклонник перед заграницей, у тебя вообще ничего святого нет.

Опровергая эстетическую оценку человека – мы косвенно называем его жлобом. Это обидно. Вероятно, он не согласится. А может обозвать. И вообще такие споры портят отношения.

Опровергая интеллектуальную оценку человека – мы тем самым называем его дураком. Если он академик – он может и поспорить с тобой. А если личность незатейливых умственных возможностей? Да он пошлет тебя подальше и прибавит, что всем прекрасно известно, как все обстоит на самом деле, а ты просто невежественное чмо без образования, но с претензиями.

Если ты докажешь человеку то, во что он не хочет верить – он тебя возненавидит.

Но не будем излишне обобщать раньше времени.

Я чего говорю?

Я говорю, что если малообразованному русскому (не национальность, а культурная самоидентификация) указать на недостатки Пушкина и покритиковать – его реакция будет негативной. Для него это неожиданная информация, нештатная ситуация. Ему плевать на Пушкина как поэта и личность. Но ему важен Пушкин как знак национально-культурной самоидентификации. Пушкин как знак занимает свое место в его картине мира. А покушение на свой мир он не приветствует. Все знают, что Пушкин гений, величайший русский поэт, наша гордость. Вот! Наша гордость! А ты кого мараешь, гад?

Нежелание изменять свою картину мира – это естественный инстинкт психического самосохранения личности. Это стремление к душевному равновесию – то есть покою, то есть отсутствию стресса.

Психика человека диктует ему избегать стресса, разрешать стрессовые ситуации. Если поступающая информация сигнализирует об опасности – врубается инстинкт «дерись или беги». А если поступающая информация является излишней – она отсортировывается и отбрасывается как избыточная, мешающая, отвлекающая.

По большому счету человеку на Пушкина плевать. За пределами России весь мир отлично обходится без Пушкина. Но. Пушкин для русского – это устойчивый элемент груп-

повой (национальной) самоидентификации. А вот коррекция самоидентификации – страшно неудобная, нежелательная, болезненная вещь. Коррекция самоидентификации – это стресс. И в данном случае – стресс совершенно не нужный!

Коррекция самоидентификации – это своего рода личностная, психологическая операция на уровне смены пола. Психологическая пластическая хирургия. Человек вдруг узнает, что у него другая мать; или отец. Или он не немец, а еврей – а он мечтал о карьере в СС. Или в тяжелый час родственник вернул ему долг и спас – а на самом деле эти деньги прислал ему враг, потому что враг-то знал, что ты ему брат. Или твоя честная работа в НКВД оказывается преступной.

Или – мы народ самой лучшей, самой глубоко духовной литературы в мире. И вдруг оказывается, что мы народ десятой литературы в мире, потому что раньше нас, мощнее и богаче – литературы французская, немецкая, английская, итальянская, испанская и испаноязычная; так ведь и американская не слаба. А самые справедливые герои – англичанин Робин Гуд и немец Карл Моор, а самый благородный – француз Квазимодо, самый привлекательный и замечательный – француз д'Артаньян, а символы мужества и стойкости – герои американцев Джека Лондона и Эрнеста Хемингуэя. Ке мала фортуна!

Да что ж меня все заносит-то наперед батьки в пекло... Мы ж о Пушкине. «Кушкин, Кушкин! А ты, мальчик, не кизди, иди себе.»

Почему, если завести чисто литературоведческий – а хоть и читательский – разговор о Пушкине, непредвзятый и объективный – реакцией будет недоумение в лучшем случае и враждебная ругань в худшем? Причем недоумение быстро перетечет в обвинения и поучения, а ругань перерастет в серьезную ссору? Рядовой Иванов, мне не нужен чистый плац, мне нужно, чтоб ты мучился! Мне не нужно несовершенство Пушкина – мне нужно, чтоб ты признал: наш король самый могучий! наши воины самые отважные! моя дама самая прекрасная! наш великий поэт самый великий!

Ты говоришь, что пролог к «Медному всаднику» – блестящие стихи, что «Повести Белкина» – гениальная проза, что «Евгений Онегин» написан удивительно, беспрецедентно для эпохи простым, чистым, абсолютно живым и легким русским языком. О'кей, парень, все с тобой согласны. Тогда ты добавляешь, что многие пушкинские стихи не шедевры, что-то в альбом, что-то к случаю, а что-то и примитивно, ну рифмы-то возьмите: правил – заставил, занемог – не мог, ты – красоты, вновь – любовь. Сюжет «Онегина» банален, и «Дубровский» банален и страшно затянут в месте судебного документа, и все это абсолютно вторично по отношению к немецкой и французской литературе. И давным-давно Пушкина никто для себя не читает, и залили его патокой и засюсюкали по самое не могу.

И вот тут ты единомышленника встретишь редко. Как это!?

Раскрываешь книгу – доказываешь.

Получаешь ответ – и ничего плохого, а есть и вообще гениальные строки, а вот Белинский писал, а Бонди, а целая библиотека написана! Академики! Исследовали! Ученые! Доказали! Лицей! Гармоничный! Пока свободой горим! Чудное мгновенье! Я от тебя такого не ожидала...

...Когда я написал «Памятник Дантесу» – радио с телевизором меня просто достали массовой подготовкой к двухсотлетию: «До дня рождения Алексея-андра Сергеевича осталось семьдесят два-а дня! сю-сю-сю!...» Так молодежь восприняла рассказ на ура и спорила, правда там или я придумал – сам свидетель. Но это еще неокрепшие умы, сопротивляющиеся школьной тоталитарной заразе. Потом умы крепнут, и скептическая неприязнь к школе сменяется ностальгией и возрастным примирением. Изучать было противно и скучно, но школьные имплантированные взгляды со временем стали собственными! Скучно – но правильно!

Знак Пушкина – внутри них, а изучение их не волнует; а твоя истина – снаружи и мешает, как соринка в глазу.

Им не нужна правда о Пушкине – им нужно величие своей культуры. Много вас таких Зоилов пытается плюнуть на нашего Гомера.

Культ личности

Образ гения и героя – будь то Пушкин, Ленин или маршал Жуков – создаются по одному закону. Есть бесспорная и яркая доминанта. Великий и гениальный поэт, политик, военачальник. Величие этой доминанты задает масштаб и стилистику образа.

То есть. Доминирующая черта героя определяет яркость, величие, положительность его образа. Ибо его роль для нас, для народа и истории – огромна и благотворна.

А коли образ величественный и светлый – так и состоит он из величественных и светлых черт и качеств. Они гармонично соответствуют друг другу.

Мы, поклонники и потомки, идем в познании образа не от частных мелочей к общему – но наоборот: от генеральной черты мы реконструируем подходящие, соответствующие, гармонично с ней соседствующие черты и свойства мелкие, частные, разные. И у нас всегда получается икона! Ибо главную идею, главное достоинство героя – нельзя мельчить и марать грязными мелочами!

Образ героя строится как корабль: закладывается киль, он определяет размер и тип – к нему подбираются соответствующие шпангоуты, и уже к набранному каркасу крепится и раскрашивается обшивка.

Биография героя создается не по законам документального расследования – но по законам романтической литературы. Величие образа первично – подтверждающие его детали вторичны, служебны, их отбор определен задачей.

Мы любим и уважаем героя за главное – и прочие его черты представляем себе в соответствии со своей любовью. А любовь – не то, чтобы слепа... Но видит то, что ей нужно, и толкует факты так, как ей хочется.

Если народ любит и ценит своего гения и героя – как он может дать ему объективную характеристику? Глупо ожидать. Только превосходная степень всех качеств.

Образ героя необходимо идеализирован и комплиментарен, являясь персонификацией народного величия и таланта.

...Культ личности как архетип виден в русской культуре прежде всего как образ Пушкина. Пушкин свят и неприкасаем. Он – наше все. Все его черты прекрасны, все поступки безупречны. Инакомыслие в этом вопросе есть подлость. Все факты, которые возможно истолковать к его пользе – читаются только комплиментарно. А которые явно неблагоприятны – обязаны замалчиваться. Через пять лет после восстания декабристов свободолюбец воспевал подавление Польского восстания – на деньги царя и во славу великодержавности: и молодец, патриот. Болезни Венеры – ах, это пылкость в любви. Раз за разом отказывали в сватовстве – детали. И так далее по длинному списку. Не в том дело, что ложь как умолчание и идеализация канонизирована. А в том, что попытка сказать правду, и вполне известную, вызывает только ненависть. Вот этот психологический феномен и примечателен.

Культ личности – это персонификация групповой славы и величия. Народ – это фанаты героя, его слава осеняет их, его гений их возвеличивает. Не в силах предъявить величие собственное – они обретают его в преданности кумиру, в объединении вокруг его божественного блеска. Они – члены группы великого вождя – а только великий народ может породить великого вождя. Величие вождя и народа – едины!

Культовый герой – это наше общее достояние, как земля или история. Он – наше создание, мы делегировали ему свою силу и волю, ум и власть.

Короче. Кумиры есть и будут – потому что у народа есть в них потребность. Кумир – это элемент структуризации аморфной людской массы в социум с единой системой ценностей и взглядов.

Когда мальчик в концлагере кричит перед входом газовой камеры: «Сталин отомстит!» – он не имеет в виду рябого грузина Джугашвили, он кричит о могучей державе с несокрушимой армией, которая уничтожит всех убийц, и Сталин здесь – как знамя над общей силой. И понимание имени как символа – не должно мешать пониманию всей правды в истинном свете.

Култ всегда лжив. И вечен. По необходимости. По факту. Это персонификация потребного народу качества в превосходной, идеальной степени. Иванов, мне не нужна правда, мне нужен герой. Образ для поклонения, подражания и общественного самоуважения.

А когда развенчивают тиранов – толпа делает кумирами ученых, священников или эстрадных певцов, в зависимости от эпохи.

...Да, кстати – злодеев назначают примерно так же. Образ злодея – это как бы мусоросборник эпохи. Его злодейство тоже гипертрофировано как доминанта – и все прочие черты гармонично ему соответствуют. В печатную машину заправляется черная краска – и разница только в ее густоте и оттенках. В российской традиции так любят изображать Наполеона и Чингиз-хана, не говоря о Гитлере и всем его окружении. При Советской Власти так подавались белые генералы; кстати и Солженицын, а Фаддей Булгарин до сих пор исполняет в мартирологе роль злодея русской литературы – будучи крупнейшей в ней и заслуженной фигурой.

Что надо сказать? Что массовому сознанию и историческому мышлению по их устройству потребны архетипы социальных фигур как носителей идеальных качеств. То есть: потребна ложь. И эта ложь защищаема искренне и ревниво. Величие нужнее правды.

Магический стиль Достоевского

В школе меня от Достоевского не то чтобы тошнило... Но это было вроде обеда, на первый взгляд полезно-невкусного, а на второй он оказывался вылеплен из сухого репейника с касторкой. Это чтение вводило в депрессию и вызывало активный протест. Каждому студенту по топору! Понятный герой был Рогожин: истерика от такой жизни, зарезать всех к черту и уйти в каторгу.

А потом на Ленинградском филфаке спецкурс по Достоевскому читал Бялый! Из года в год процесс повторялся – из аудитории на двадцать мест переезжали на семьдесят, и к зиме ленинградский бомонд сидел в первых рядах актового зала филфака: так было же что послушать.

И вот что тут можно объяснить людям мудрым и тонким? «Ну не люблю я его!..» Но поскольку место Достоевского в пантеоне было незыблемо и бесспорно, мне в удел оставалось казнить собственной ограниченностью и неспособностью насладиться шедеврами. Вот золотился отборный виноград в литературных чертогах, который я никак не мог укусить. А если кусал – во рту оставалась дрянь какая-то вследствие моих дефективных культуропереваривательных ферментов.

Я сначала-то прочитал у Хемингуэя – он был кумиром и знаком эпохи – про то, как он читал Достоевского: «Я никак не мог понять, как человек может писать так плохо, так безнадежно плохо, и при этом производить такое сильнейшее впечатление». Много позже я узнал, что Хемингуэй не знал, как плохо писал Достоевский: он читал его в переводах на английский Констанс Гарнет. А это изрядная адаптация к съедобному английскому начала XX века.

И тогда же, в школе, наткнулся в «Золотой розе» Паустовского (или у Олеси?..) на чудеснейшее воспоминание. Элегически и назидательно изложенное к сведению прежде всего молодых литераторов и иже с ними. Как молодой Костя, еще не Константин Георгиевич, работал в одной редакции. И читал поток рукописей графоманов. И вдруг в сером тексте попала удивительная и прекрасная страница, она словно мерцала сиреневым свечением и благоухала. И он никак не мог понять – что же это такое, как же это?.. И продолжал вчитываться, и вдруг увидел: Настасья Филипповна! Это же Достоевский! Бессмертный «Идиот»!

Я бросил Олешу (или Паустовского?..), схватил с полки «Идиота» и ну читать, пока не позовут к ужину. И сцену у камина с бросанием денег, и воспитание юной наложницы, и как с князем, и с купцом – ищу страницу, которая сиренево светится. А она как «Джоконда» у Раневской: так знаменита, что сама выбирает, кому будет светиться, а кому нет. Мне – фигу.

Уже в университете я прочитал у Бунина вполне известное: что как прекрасно бы ужасно написанные романы Достоевского переписать хорошим, чистым, подходящим языком. И понял, что нас как минимум двое. Бунин мне вообще всегда нравился. И про язык он понимал явно лучше Достоевского. Не говоря о женщинах.

...После тридцати лет я перестал стыдиться перед самим собою своей нелюбви к Достоевскому. Нельзя любить всех. Это уже не любовь, а помесь свального греха с национальным конформизмом. Лучше иметь собственное мнение, чем чужое мнение будет иметь тебя.

Я успокоился в понимании, как мне казалось, гениальности психологических многослойных раскопок Достоевского. Как геолог бьет шурфы через слои пород или бурит скважину и достает kern с послойным образцом залегаемых на глубине минералов – так он дает послойные срезы человеческой психики до глубоких глубин.

При этом можно не соглашаться с его мировоззрением, можно не считать глубокой философией «Легенду о Великом инквизиторе», можно вообще отрицать христианскую картину мира – но послойный срез психологии человека в глубину отрицать, похоже, все-таки нельзя.

Можно воспринимать Достоевского как писателя депрессивного, видящего жизнь в весьма тягостном, мрачном свете. Разбойник и блудница войдут в Царствие Небесное – Раскольников и Соня – это гениальное перерождение детективного намерения в переосмысление и осовременивание Евангелия. Но к счастливой и продуктивной жизни ни хрена не вдохновляет. А что-то остается от желания мрачно напиться и забыться.

...Так возвращаясь к стилю Достоевского – при вдумчивом анализе соотношения вербального и семантического слоев видно, что автор повторяет одно и то же по несколько раз, иногда по многу, с незначительными отклонениями – повторяет многословно, неряшливо, коряво, приблизительно – но в результате этих неуклюжих и неудобочитаемых повторов он передает в конце концов абсолютно точно и исчерпывающе – мысль, ощущение, мимолетный нюанс отношений. Как плохо пишет! – но как точно доносит до читателя свою мысль, чувство, картину!

И лишь много позднее я узнал тоже известное – что все свои поздние романы Достоевский не писал, а надиктовывал. Надиктовывал иногда десятками страниц за ночь – и чаще ничего потом не правил. Опять же, нередко в спешке работать приходилось, сроки сдачи рукописи поджимали. Ну так о каком стиле, о какой работе над словом может здесь идти речь. Это вам не «Повести Белкина» и не пять редакций «Войны и мира».

Светится, говорите? Вот в глаз тебе засветить – и любая страница засветится! Хоть Ивана Шевцова, хоть Чарльза Буковски. Особенно инструкции по гражданской обороне.

...Какое отношение к теме нашей скромной попытки исследования имеет это развлекательное паралитературоведение? (Ну зачем уж я о себе так-то, подумал Мольер.) А такое, что сегодня всех читателей Достоевского можно разделить на несколько нехитрых разрядов.

Первые. Не слышали и не узнают.

Вторые. Слышали, но не читали и не прочтут. Вот эти вторые, в свою очередь, делятся на: а). В гробу мы видали эту ископаемую скуку, в которой ничего интересного и вообще нужного сегодня нет. б). О да, это великий и гениальный русский классик, известный во всем мире.

Третьи. Читали в школе по обязанности. Отношение – совершенно аналогично вторым.

Четвертые. Читающие, культурные люди, уважающие культуру. Отношение – аналогично разряду три и два пункт б).

Пятое. Филологи-русисты. Значимость классиков вне обсуждения, их величие – это наш мир, внутри которого мы. Но в принципе – отношение то же, что выше – пункт б).

И вот у гения – гениально должно быть все, в том числе стиль. И качеством стиль Достоевского от Лермонтова не отличается – просто особенности разные.

Литературная игра «Сделай сам»: возьмите одного литературоведа, один роман Достоевского, раскройте его два раза на любом развороте, прочтите оба разворота вслух, затем позовите по ним лицом литературоведа и велите показать достоинства стиля.

Глубокий и изощренный психолог, соединявший глубины психологии с высотами философии и тем гениальный в литературе – был омерзительный стилист. Бездарный стилист. Без чувства слова и фразы, без языкового слуха. А он вообще по жизни не слышал людей, он жил внутри себя и разговаривал всерьез внутри себя. Он разговаривал с собеседником – не как вдвоем играют в теннис, а как один играет в сквош – стенка отражает твой мяч, и ты делаешь следующий удар, играя сам с собой и воспринимая только отражение собственных слов.

Ничего особенного и ничего унижительного. Гений не обязан быть гением во всем. И бездарность гения в одном не умаляет его гениальности в другом.

(А вы возьмите любую монографию специалиста по русскому языку. Ее же читать невозможно. Спотыкач. Языкового слуха нет, владения словом нет! А изучает! Иногда дело пишет и даже открытия делает. И вообще мало ли блестящих ученых были никудышными лекторами. Ну, если честно – то мало. Но бывали.)

Ей-богу – ну поставьте еще опыт. Попробуйте отредактировать, хоть мысленно, любую «Повесть Белкина». Или любой абзац «Героя нашего времени». Любую страницу «Войны и мира». Или рассказ позднего Чехова, или Бунина 1916 года. Здесь пахнет совершенством.

А теперь возьмите любые десять страниц Достоевского, и представьте себе, что редактор дал вам задание сократить текст вдвое, сохранив всю суть и придав удобочитаемость. Не десять – хоть три. Попробуйте. Вам будет интересно.

Итого.

Читают Достоевского очень мало, даже в России. Читавшие и не читавшие знают, что он гений. Гениальная книга – это какая? – умная, глубокая, хорошо изображает жизнь и характеры, душу людей и мотивы их поступков, и написана хорошим языком с соблюдением законов и пропорций: композиция, сюжет и так далее.

В представлении масс стиль гения и классика не может быть плох. Вера в авторитет сильнее и важнее собственного понимания. И если какая-либо информация противоречит мировоззренческой установке – тем хуже для информации.

В школьника пихают Достоевского, как касторку в больного. Языковое чутье и общее мировоззрение школьника решительно отвергает Достоевского. Он согласится воспринять краткий вразумительный пересказ, адаптацию с выделением основных мыслей и идей. Это профанация? В общем да.

Но. Влияние, которое классики оказывают своим искусством на эстетические и идейные воззрения общества – это как правило косвенное влияние. Через массовое искусство, высказывания авторитетов культуры и тому подобное. Адаптация несъедобной для масс классики – скорее благо. Ибо вопрос не стоит: читать оригинал или адаптацию. Вопрос стоит: читать адаптацию или вообще ничего.

Оригинал Достоевского в наше время – для любителей и избранных, но отнюдь не для всех; что мы и так наблюдаем.

Отвергая элементарную истину – гениальный психолог и провидец Достоевский был неряшливый, примитивный и омерзительный стилист – люди просто не хотят правды, не нуждаются в ней, отвергают ее и клеймят носителей такой правды.

Почему? Потому что это нарушает цельность и гармонию их комфортного слаженного мира. И порочит кумира. И снижает индивидуальную и групповую самооценку. Их мир от этого не делается лучше, приятнее, продуктивнее, понятнее! То есть такая правда противоречит базовому подсознательному и психологическому стремлению человека: чтобы все было хорошо, полезно, приятно, утверждающе, цельно, просто, удобно, вдохновляло и способствовало.

В чаще истин

В старом французском фильме «Супружеская жизнь» история одной любви и развода дана с двух точек зрения. Вот первая серия – версия мужа: как все было – и виновата во всем скверная жена. А вот серия вторая – версия жены: все было совсем иначе – и виноват неверный и ревнивый муж.

И две картины одной жизни – не совмещаются! Не совпадают! Супруги видят разные детали, слышат разные слова, замечают разную ложь и помнят разное время событий. И оба совершенно честны.

Эта избирательность памяти основана на субъективности отношения. Объективно они жили одной жизнью, в одном доме, в одно время. Субъективно они жили в двух параллельных реальностях.

Любовь каждого, его ревность, усталость и обида, неудовлетворенность и подозрения, обманутые мечты и жажда быть понятым – привели к полному непониманию другого. К несовместимости. К невозможности достигнуть согласия. Ибо. Правда одного – ложь для другого. Взаимно.

При этом – мучатся, и хотят понимания, и еще любят!.. И каждый клянется правдой и уличает другого во лжи...

То есть. Избирательность нашей памяти. И нашего внимания. Может решительно зависеть от нашего индивидуального отношения к происходящему. Восприятие реальности зависит от нашего эмоционального настроя. (Вообще фильм с французской гривуазностью работал на постмодернистскую французскую философию своего времени – просто иллюстрируя релятивистскую концепцию истины.)

...Если бы, конечно, был третейский судья. Объективный, справедливый и мудрый. Бог! Так ведь и ему не поверили бы – вздыхали о тяжести Высшей кары.

...А вот вариант интереснее, и иррациональная мудрость Востока заполняет весь объем миропонимания, как облако перед объемным взрывом. Это гениальный и знаменитый рассказ Акутагавы Рюноскэ «В чаще». Так кто же убил самурая – разбойник, жена, или он сам покончил с собой? Ах, в тексте рассказа есть прямой отсыл к «Балладе Рэдингской тюрьмы» Уайльда: «Ведь каждый, кто на свете жил, любимых убивал: один жестокостью, другой – отравою похвал... кто властью золота душил, кто похотью слепой... но ведь не каждый принял смерть за то, что он убил!» Приговоренный разбойник Тадземару говорит: «...вы убиваете властью, деньгами, а иногда просто льстивыми словами...»

Жизнь убила. Мир людских отношений...

«В чаще» – это рассказ о непознаваемости и неоднозначности истины, да. Но еще, и важнее – это рассказ о человеческом благородстве, о стоицизме, и о том, что каждый человек воспринимает жизнь в соответствии со своим мировоззрением. И одновременно, одновременно!! О том, что ты можешь думать о реальности что угодно, не соглашаясь с другими, – но реальный результат всегда будет один и тот же! Независимо от ваших мыслей и споров о мотивах и обстоятельствах.

Короче. Жизненная позиция человека диктует ему образ правды. Что бы ты ни видел – это твоя собственная проекция на мир реальности.

А вот чудный пример из литературы уже иного жанра – «Искусство приобретать друзей и оказывать влияние на людей» Дейла Карнеги. Эта книга пользовалась бешеным успехом: миллионы людей учились по ней корректировать свою жизнь. Да, так толпы полиции штурмуют квартиру в Нью-Йорке, где отстреливается гангстер Френсис «Два ствола» Кроули. Он перестрелял кучу народу, причем без необходимости убийств ни по ходу грабежей, ни для ухода от погони – а вот к случаю пришлось, типа подвинуть в сторону. И этот убийца, пятная своей кро-

вью бумагу, пишет, когда кончились патроны: «Под моим пиджаком бьется усталое, но доброе сердце, которое никому не хотело зла». Готовясь к казни в тюрьме Синг-Синг, он с горечью произнес: «Вот что я получаю за то, что защищал людей».

Человек искренне видит одно – а окружающие получают от него вовсе даже другое из двух 9-миллиметровых пистолетов. Однако на пороге смерти не лгут – Кроули видел себя несчастной жертвой.

Борьба с образом

Информационные войны идут на уровне борьбы одних стереотипов с другими. Одна информационная модель, в той или иной мере искусственная, вымышленная – противопоставляется другой информационной модели.

Трафарет правды борется с трафаретом лжи – как борец представляет себе ситуацию.

Политическая, идеологическая, социальная, культурная война в обществе или между обществами, или с отдельными личностями – обычно ведется не на уровне адекватной информации, но на уровне искаженных информационных образов.

Вот есть человек, или его книга, или теория. Шаг первый к созданию негативного информационного трафарета: объект неадекватно истолкован, его мотивы и действия искажены, детали перевернаны, доказательства подтасованы. Цель заранее задана: создать негатив.

А вот критик-толкователь. Он имеет собственный взгляд на предмет обсуждения, затронутый кем-то другим. Причем этот взгляд как правило не самостоятелен, но заемный. Он базируется на искусственном, сконструированном мировоззрении – и со своей позиции рассматривает не предмет спора (как вещь-саму-по-себе), но его информационную модель.

Меломан с образованием заочной музыкальной школы критикует пение Карузо, которое Мойша изобразил ему по телефону. Этот древний одесский анекдот удивительно точно отображает суть оценок, выносимых большинством оценщиков.

Связь между рассматриваемым объектом и аналитическим мозговым центром организована по принципу испорченного телефона в придачу к кривым очкам. Тэкэзэть, атмосферная рефракция и горное эхо.

Конкретный информационный образ правды борется с образом неправды. Образ правды – чаще всего плод демагогии и корпоративной истины, вложенный в мозг борца. А образ неправды создан тем же лагерем единомышленников и корпорантов, откорректирован тем же мировоззрением приверженцев как им враждебный. Точки зрения сшибаются со звоном и пролетают друг мимо друга, предъявляя победный звук.

И что важно в борьбе образов: часть критикуемой информации умалчивается, часть искажается, часть трактуется заведомо недобросовестно, в своих интересах. А собственная информация по мере нужды освобождается от конкретики и переводится на уровень демагогии – то есть формально верных утверждений, относящихся к некоей абстрактной действительности без прямой конкретной связи с темой борьбы.

Игнорируя ряд принципиальных фактов и достоверных источников, борец обрушивается на выводы оппонента, оставшиеся без доказательств и вне связи с контекстом. То есть: он обрушивается на информационную модель оппонента, которую сам же создал, резко исказив первоисточник.

То есть: сначала ставится себе задача – еще раз подтвердить, что я прав, по жизни вообще и здесь конкретно. Это даже не задача, это дежурная позиция, на том стоим и стоять будем. Затем образ оппонента рассматривается избирательно: все сильные аргументы против нас мы утопим, затеним, уменьшим, проигнорируем – зато слабые места и ошибки раздуем, раскрасим и выставим на всеобщее обозрение.

Ложь дискуссии рождается из изначально ошибочной, недобросовестной информации. Из сознательного нежелания или психологической невозможности адекватно оценить исходную информацию. Из вольного или невольного непонимания исходного материала – то есть исходная информация не приведена во взаимообусловленное единство на своем месте с общим корпусом информации всего культурного пространства.

То есть: дискуссии на гуманитарные темы не научны в том смысле, что не воспроизводят изначально условия корректного опыта. Они умственно недобросовестны. Их предмет как правило не оговорен корректно.

Какая может быть дискуссия о свободе, если сначала не оговорено для данной дискуссии понимание свободы, границы и смысл термина? Какой спор о хорошем или плохом человеке, если нет объективного рассмотрения личности и жизни этого человека на всем протяжении и в перспективе – причем не «вообще», а конкретно с точки зрения добра или зла в парадигме морали, или достижения политической цели, или адаптации в группе и т. д.

Любой дискуссии как правило предшествует искажение реальности.

Нежелание анализировать исходную реальность объясняется стремлением утвердить собственную истину – индивидуальную, групповую, корпоративную.

Необъективность в дискуссии объясняется стремлением к победе и самоутверждению. Где разум как способность к анализу информации всегда играет подчиненную роль.

Работая с образами – мы не стремимся к объективности. Мы стремимся к достижению своей цели. И информационный образ объекта неизбежно и необходимо корректируется в соответствии с полезностью и нужностью избранной точки зрения.

Коррекция информационного образа объекта подчинена цели рассмотрения этого объекта.

Очень коротко: субъект норовит бессознательно врать про объект для своей пользы.

Медийный образ

«С человеком надо пуд соли съесть», – это, значит, чтобы его как следует узнать. А то простое ежедневное знание по бытовому общению – оно поверхностное, неглубокое. Как себя поведет человек в серьезной ситуации, чем он дышит, каков он на самом деле – это еще разобраться надо. Можно всю жизнь рядом в конторе проработать – и не узнать: а он шпион, или детей на пожаре спас, или тайный маньяк-убийца.

«Подать себя в лучшем свете», «Показать себя с выгодной стороны», – это что значит? Это значит создать о себе хорошее впечатление в чьих-то глазах. То есть? А если на самом деле ты жадный, подлый и трусливый с двумя судимостями по позорным статьям? Но ты изображаешь из себя на встрече джентльмена с безупречными манерами и умным лицом. Одеться грамотно, говорить скупом, шуткам смеяться без ржания и в скатерть не сморкаться.

Ты создал образ для употребления возможными партнерами. Вообще ты задумал их обобрать, ты профессиональный мошенник. И в твои профессиональные умения входит создавать образ честнейшего бизнесмена, вызывающего полное доверие и дружескую симпатию.

А потом суд, свидетели заламывают руки, пострадавшие ахают и стонут: такой приличный молодой человек, кто бы мог подумать!..

Это – самый простой пример расхождения между сутью человека и его образом в глазах окружающих.

Между образом человека, создаваемым для внешнего употребления, и сутью человека – всегда ножницы. То есть всегда.

Некоторые вещи «как бы» не входят в образ по умолчанию. Отправление физиологических потребностей, ковыряние в носу, некоторая интимная гигиена и прочее рыгание. Если элементы подобного интима включить в свой публичный образ – скажут о шоке, эпатаже, вульгарности и в лучшем случае художественной оригинальности. Здесь – люфт между публичным образом и лично-интимным – обычный люфт, стандартный, можно сказать.

А вот суровый начальник. Требовательный, неподкупный. Этот образ – для подчиненных. А для его вышестоящих начальников – образ другой: услужлив, понятлив, исполнитель, скромен, шутке подхихикнет в меру. О, а вот и образ для домашнего употребления: молодая стерва-жена вьет из старпера веревки, и он все терпит, и счета оплачивает безропотно, и любовников в лицо знает, лишь бы не ушла и в постели до тела допустила. Но иногда ездит к проститутке садо-мазо, и за хорошие деньги хлещет ее плетью, кроет матюгами и подвергает ужасным способам, которые даже сексуальными назвать нельзя, но ему в наслаждение: душеньку отведет до оргазма.

Широка, говорите, русская душа? Это вы бросьте, ширина категория геометрическая и национальности не имеет.

...Короче – мы имеем дело не с человеком, а с его образом. Иначе выражаясь – с его информационной моделью. И он никогда не горит желанием выкладывать тебе адекватно всю информацию о себе.

И. Мы составляем мнение о человеке на основании той информации, которой располагаем. Вот вывалился компромат – и человек оказался хуже (его информационный образ стал хуже). И вдруг – опровержение – клевета все! И образ вернулся в первобытное состояние: вон крылья белые за спиной растут.

Но. Поскольку чужая душа потемки. А мнение иметь о человеке надо, чтобы с ним какие-то отношения строить и вообще в картину мира вписать. То мы идентифицируем суть человека с его информационной моделью, которой располагаем.

И вот тут начинаются технологии.

Реклама, хвала, рассказы о подвигах и достоинствах – это создание резко позитивного образа. А суть может остаться прежней, нетронутой, даже и незначительной может остаться: ничтожный мужичонка.

Клевета, очернение, раздувание ошибок – и вот мы имеем отрицательный образ. А человек, может быть, на самом деле хороший. Опустить его решили конкуренты в бизнесе или политике, обычное дело. Ан народ верит!

Чем дальше ты от человека, не знакомого лично – тем легче впарить тебе о нем все, что угодно. От святости и гениальности до детоубийства и паранойи.

Тут – оп! – происходит подмена знания верой. Вот ты черпаешь из телевизора массу информации. В том числе погода, биржевые курсы, передачи о науке и искусстве. Владение этой информацией, имение ее в своей голове ты называешь знанием. Информация эта рациональна, логична, и по всему соответствует действительности. Кроме погоды на завтра, конечно.

Тебе рассказывают биографии звезд, ученых, политиков. И вроде все верно. Даты, награды, встречи. Ты получаешь знание этого.

И вот тебе начинают в авторитетной телепередаче рассказывать, что такой-то человек – негодяй и лжец. И приводятся примеры, которые ты лично не можешь проверить. И знакомые твои не могут. И вы верите тому, что слышали. Ну, пока не услышите серьезных опровержений.

А если все СМИ задудели в одну дуду? Хана тебе, мальчик. Это и есть правда. Всеобщее мнение. Знание! Раз все знают.

А если это повторить десять тысяч раз? Тогда это бесспорная истина. И сомневаться не в чем! Это – часть нашего мира в нашем представлении.

А называется это не шибко изящным словом «пропаганда». Это компостер для ваших мозгов. Это вкладывание в ваш мозг образа, специально созданного для вас. Чтоб вы вели себя так, как надо заказчику пропаганды.

А для примеров:

ТРОЦКИЙ. Этот образ в России – а в основном в СССР – претерпел самую полную метаморфозу. В революцию 1905 года Троцкий был одним из создателей и председателем первого Петербургского Совета рабочих депутатов. В 1908 году основал и стал выпускать газету «Правда». В 1917 организовал и возглавил Октябрьский переворот и произнес историческую первую речь на Съезде советов. Как наркоминдел почти полгода оттягивал договор с Германией; слово «нарком» – народный комиссар – придумал и ввел он. Как наркомвоенмор воссоздал систему военкоматов, создал Красную Армию, призвал офицеров больше, чем служило у белых, лично нарисовал и приказал ввести орден Красного Знамени, лично написал текст Приказа, два года в своем поезде мотался по фронтам, командуя и контролируя. Ленин был стратег и глава партии – Троцкий был практик и командующий эпохи революции и Гражданской войны. Это был тандем. Портрет Троцкого висел в каждом Красном уголке каждой армейской части. Он был Номер Два – почти наравне с Номером Один. Его авторитет был колоссален – после Ленина несравним ни с чьим.

Через пять лет после смерти Ленина Троцкий был усилиями сотоварищей смещен со всех постов, исключен из Партии, сослан в Казахстан, а затем выслан из пределов СССР. Все его друзья и выдвиженцы были расстреляны. А сам он был объявлен главным врагом народа, смыт со всех фотографий, замазан на всех картинах, все статьи и книги были изъяты, и упоминался исключительно в отрицательном аспекте: враг народа, враг Ленина, предатель дела революции, оппортунист, ревизионист, и главное – троцкист! – и основатель троцкизма. Что такое «троцкизм» никто толком сказать не мог, но сажали и расстреливали за него исправно. И никто не смел слова сказать иначе! А уж как до хрипоты обличали его на собраниях и требовали расстрела врагам народа – троцкистам!

А следующее поколение, уже не помнившее великой славы и свершений Троцкого, имело это все за чистую правду. А иное мнение – за вражеское и предательское.

Вот вам две информационные модели одного и того же человека. И инакомыслие расценивалось как преступление и акт вражды!

СТАЛИН. Вот прямо сегодня – как две стороны одной медали. Сторонники и поклонники знают и помнят: скромн в быту, один из вождей революции, соратник Ленина, провел индустриализацию страны, при нем расцвели колхозы и задымили заводы, благодаря ему победили в Великой Отечественной войне, его уважали Рузвельт и Черчилль, при нем создали атомную бомбу и социалистическую систему стран. И было равенство, социальные лифты и гарантии, трудолюбие, и не было коррупции. А поносят его сегодня наймиты Запада, казнокрады и развратники, ненавидящие свою страну и свою культуру, которых неплохо бы раскулачить и кое-кого пристрелить.

Антисталинисты заходятся в негодовании и готовы передуть наследников Сталина, но уже фигурально: морально уничтожить и умственно развенчать мерзавцев. Эта посредственность уничтожила цвет русского крестьянства, выморила миллионы людей голодомором и миллионы в ГУЛАГе, сельское хозяйство опущено и подбито навсегда, все заводы строили американские инженеры и выпускалось там только оружие, в войну забросали врага трупами и цифры потерь засекретили, всю верхушку Партии он уничтожил, науку разгромил и поставил под контроль идеологии, все самостоятельное уничтожил, правили серости, и все боялись слово лишнее сказать.

Спор слепого с глухим: осталось пять тысяч книг с пометками этого много читавшего, образованного и умного человека! – нет, он был так коварен и цинично жесток, что пересажал даже жен своих ближайших подручных – Молотова, Кагановича и компании! Он спал на казенном диване, после него остались подшитые сапоги, старая шинель и деньги на партвзносы в ящике стола! – нет, он угробил генетику и кибернетику в СССР, заставил запуганных людей жить в нищете, запретил всем ездить за границу, умертвил литературу и живопись! При нем уничтожалось все талантливое! – неправда, при нем беспризорники становились академиками!

Заметьте – никто из ныне спорящих Сталина живьем и близко не знал. Каждый имеет дело с информационной моделью – и вот эти модели у них разные. Мы сейчас не про то, где тут правда. Мы про то, что правда каждого здесь слеплена из информационных блоков, которые он получил со стороны в готовом виде.

ГИТЛЕР. Предельно простой вопрос. Воплощения сатанинского зла, фашист и убийца. Развязал страшнейшую и самую кровавую войну в истории. Поголовно уничтожал всех евреев, цыган, гомосексуалистов и коммунистов. Помутил рассудок всех немцев и сделал народ преступниками.

Это не подлежит сомнению. Никакие оправдания недопустимы и невозможны. Всемирное осуждение Гитлера безоговорочно. Чудовище!

А можно ли помянуть, что Адольф Гитлер любил свою мать и переживал ее раннюю смерть? Это ведь правда. Да, это правда. Но говорить любую человеческую правду об этом монстре как-то нехорошо. Что-то в этом неправильное. Хотя это и правда.

А то, что он был патриот Германии и добровольцем записался в армию после начала Первой мировой (хотя был подданным Австрии)? И был храбрый солдат, ранен, травлен газами, награжден? Ну, мы вынуждены признать, что это тоже правда... но это никак не отменяет всех его злодеяний!

Разумеется не отменяет. А еще он был блестящий оратор, приводивший толпы в экстаз. А-а, площадной горлопан, кривляка, истеричный актер, умел толпе лапши на уши навешать. Пусть так – но возбудить и подчинить своим мыслям и чувствам мог, да.

А это ничего, что он в несколько лет уничтожил безработицу и резко поднял жизненный уровень всех немцев? Да – а вы забыли экспроприацию всего имущества евреев, Ночь длинных

ножей и Хрустальную ночь, концлагеря и доносы, штурмовиков и СС? Нет, мы помним, и лучше было Гитлера уничтожить в колыбели, никто не спорит... а, в колыбели негуманно? Ладно, тогда в восемнадцать лет, а еще лучше – убить на фронте, прекрасный выход, но – не случилось. Все его зло – заслуживает вечных адских мук. Но безработица кончилась? Уровень поднялся?

Развязывание Второй Мировой войны – эпохальное преступление. Но объединение с Австрией, немцами Судетов и коридор в Данциг – это было законное право немецкого народа? Погодите, погодите: и Ллойд-Джордж, и Ленин, (кому Ллойд-Джордж не нравится) говорили еще в 1919 году после Версальского договора – буквально в голос: «В этом несправедливом и грабительском мире я вижу все основания и зачатки неизбежной и скорой будущей войны». Это когда Германии и обкорнанной Австрии запретили соединиться, чего они обе хотели, отрезали от Германии населенные немцами Судеты в пользу создаваемой Чехословакии (которой не было никогда раньше) и оттяпали немелкие куски Германии в пользу Польши, которой вернули утерянную полтора века назад государственность. Плюс наложили контрибуцию, которая на пятнадцать лет ввергла немцев в страшную нищету – аккуратную, гордую, сдержанную нищету. Кстати – СССР очень порицал Англию с Францией за это зверство и сочувствовал Германии.

Допустим, я полагаю, что в 1945 году СС следовало расстрелять поголовно – по спискам и по алфавиту. Но. Если устав СС не одобрял спиртного и курения и утверждал как ценность крепкую семью – есть ли это плохо само по себе? С точки зрения плодить больше здоровых эсэсовцев – это, конечно, плохо. А вот с точки зрения придерживаться этих именно взглядов – безусловно хорошо. Нет?

А у вас не появилось сейчас чувство неловкости и протеста: не может быть в СС абсолютно ничего хорошего! Почему? Потому что доминантный информационный вектор, простите за выражение, преобладает над всей прочей информацией, приобретающей под его воздействием общую негативную окраску. То есть: да, было и хорошее, но плохое так велико и ужасно, что говорить о чем бы то ни было хорошем – недопустимо, безнравственно, это равносильно частичному оправданию фашизма. Такова простейшая бытовая логика.

С точки зрения цельной нравственности – в эсэсовцах все ужасно. Как они изображались в советских книгах военного и послевоенного времени: вонючие, уродливые, глупые и подлые.

А почему телешедвр 1970-х – «17 мгновений весны» подал нам умных и обаятельных красавцев в элегантной черной форме СС от Хуго Босс? Это был акт эстетического протеста, крамольно и нагло переходящего в протест политический: всех уже так задолбала тупая советская власть, что даже злейших ее – наших! – врагов хотелось облагородить: для разнообразия и чтоб показать фигу в кармане.

Мы создаем медийный образ в соответствии со своими симпатиями и пожеланиями – и потом сами подпадаем под его воздействие – имея за правду собственное творение, собой же созданную информационную модель.

А вот «маршал Победы» – Жуков Георгий Константинович. Посреди Манежной площади на бронзовом коне. Где Жуков – там победа. Любое слово против Жукова – оскорбляются военные журналисты, военные историки и широкие слои фанатов. Про ветеранов войны сказать уже невозможно – умерли все, тысяча глубоких стариков за девяносто много уже не опишут и не рассудят. Они его знали? Нет – они о нем слышали и читали. Что слышали? – А то, что им сказали. Если же начать приводить факты и цифры, даты и результаты – выясняется, что все сражения Жуков выигрывал только при несколькократном преимуществе над противником в живой силе и технике, с гораздо большими потерями; а все неудачи и провалы умело перекладывал на других, избегая ответственности во всех рискованных случаях. Зато удачи приписывал себе. За что и был Сталиным после войны снят, понижен и удален.

Но. Поскольку в войне, особенно в страшной и выигранной войне необходим герой-гениальный-полководец, а Сталина Никита в 1956-м развенчал посмертно из вождя-гениального-полководца в кровавого организатора репрессий, проспавшего начало войны и воевавшего по глобусу. То! Освободился пьедестал под обязательный памятник! А кого ставить? Жукова и поставили. Но на всякий случай подождали, пока умрет, а то черт его знает, чего он наворотит с его бонапартизмом. В искусстве и пропаганде 1945–1965 годов Жуков ни разу не великий. Только еще с 1953 по 1957 был велик – это когда Хрущев его поднял и использовал, пока не выкинул вон от греха подальше.

...Таким образом. Журналисты и политтехнологи. В кинофильмах и телесериалах, газетах и порталах, книгах и подборках новостей. Создают медийную, виртуальную, параллельную действительность. И в ней – медийные образы, которые лепятся и переделываются по заказу. Так шьют костюм, скрывающий недостатки фигуры, и так шьют дело из материала заказчика. И за неимением гербовой потребитель читает на простой. Проглатывает и усваивает не переваривая. Ибо ему фабрикуют продукт, готовый к усвоению без переваривания. Его уже за тебя и для тебя переварили, ты знай рот разевай.

Ты знаешь то, что тебе предназначили знать. И веришь в то, во что тебя заставили поверить. Тебя играют втемную, дурачок.

И запомни. Чтобы знать правду – необходимо узнать и понять разного-всякого раз в двадцать больше нужного, оно переплетено вокруг этой правды, маленький кусочек которой из всего этого слепленного воедино, сотканного, сросшегося пространства и времени тебе вздумалось узнать и понять. Понятно, что большинство пьет из копытца и с переменным успехом проживает жизнь козленочками.

Отказ от правды, отказ сменить свою точку зрения, пусть глупую и заемную – это еще и лень душевная, слабость мозговая, нежелание разбираться самому, что там кругом всего наверчено.

Человек толпы – как птенец с разинутым ртом: так и просит – вложи мне готовое, мне же нужно иметь мнение.

Они тебе вложат. Всю жизнь от геморроя мозга лечиться будешь.

Берия

Вот уж человек, правда и неправда в образе которого менялись местами, как акробат крутит сальто.

Когда Сталин в 1938 году заменил в НКВД Ежова на Берию – Лаврентий Павлович мгновенно стал всенародно знаменитым и любимым верным ленинцем, беззаветно отдающим все силы борьбе с врагами народа. Он стал членом Политбюро ЦК ВКП(б), его портреты висели на стенах между Сталиным и Молотовым, их несли на демонстрациях по Красной площади, его именем назывались пионерские дружины и корабли. Все знали правду, и она состояла в том, что Берия хороший человек, много делает для страны и радуется за народ. Он выпустил на свободу незаконно репрессированных при Ежове, он курирует массу важнейших отраслей промышленности, и вообще он друг пионеров.

После смерти Сталина Берия был утвержден первым заместителем Председателя Верховного Совета СССР и министром МВД (куда входило и бывшее МГБ, то есть ведомства госбезопасности и внутренних дел). И по реальному весу, будучи главой всех внутренних сил и имея огромное влияние и авторитет в административных кругах, стал номером первым во власти.

Через четыре месяца товарищи по партии его сместили, обвинили в шпионаже и попытке реставрации капитализма плюс моральное разложение, и быстро расстреляли. Ну а когда его маненечко того, тогда узнали мы всю правду про него: чуть коммунизм не завалил, кругом всех девушек растлил, и что не видел дальше носа своего. Из песни слова не выкинешь, да! Всю прежнюю информацию о Берии изъяли и запретили. А взамен довели до всеобщего сведения новый ее вариант. Последний. «Последний» – это идеологический синоним слова «подлинный».

Под куплеты «Берия-Берия, утерять доверие, а товарищ Маленков надавал ему пинков!» ошарашенные сограждане узнали правду. Берия Лаврентий Павлович был чудовищный развратник, его холуи затаскивали в его страшный черный автомобиль красивых несовершеннолетних девочек прямо днем на улицах. Свежие девочки сменяли прежних в его гареме, и больше несчастных никто никогда не видел. Его страшная власть была безгранична, он по макушку в крови невинных жертв, по его приказам расстреляли и посадили миллионы. Его все боялись, он стремился удовлетворять свои самые низменные инстинкты. Не говоря уже о том, что он сговорился с капиталистами отдать им Социалистическую Восточную Германию и изменил учению Ленина-Сталина, извратив социализм; а также английский шпион. То, что объявила газета «Правда» – и было в СССР правдой. И народ верил! Ну, подавляющее большинство точно верило. А чему еще верить?

М-да – и лишь ничтожная часть старых, битых, умных понимала, что властная группа – Маленков-Молотов-Булганин-Хрущев – просто вешает на Берию все грехи и оправдывает свою борьбу за власть. Для народа это чересчур сложно.

...И проходит пятнадцать лет, и в одном ленинградском доме я, студент в гостях, случайно вижу и слушаю физика-ядерщика, оборонщика, последнего живого из семнадцати человек первого набора Курчатовской группы. Бомбу, стало быть, они делали.

Огромная комната в коммуналке, четырехметровые потолки, свет люстры над длинным столом не доходит до полутемных углов, сохраненный хрусталь и скромное меню с вином и бутылкой водки. Уцелевшая ленинградская интеллигенция.

За столом сидели старики и говорили о своем, давнем. Зашла речь о Берии – время «культпросвета» было. И этот физик крайне высоко отзывается об административных и руководящих качествах Берии. Удивительно быстро, говорит, вникал в вопрос. Трудности понимал, гнал в шею – да, но никого не наказывал. Все требуемое – обеспечивал беспрекословно. Нервы

не мотал. И сам себя загонял тоже, мы же видели. Вообще производил впечатление человека отзывчивого и не злого. И умен, этого не отнимешь. Умел нестандартно подойти к вопросу.

Батюшки-светы. Оказывается, Берия курировал советский атомный проект! Вот ка-ак... Важнее в те годы ничего не было. И хорошо курировал, утверждает тот, кто делал бомбу!..

У меня в конце стола рот открывался, и оливье из него вываливалось. Я такого и вообразить не мог. Берия был кровопийца! Развратник! Преступник! И тут такое твою мать. Нет, я, разумеется, не собирался как верный комсомолец поехать на Литейный и просигнализировать в КГБ о враге народа и его подрывных разговорах. Но охречение было сильное. Я, как бы это выразиться, испытывал чувство отчуждения и неприязни к этому человеку из-за его слов. Я находился в компании своего идеологического врага, врага советской власти и нашего образа мыслей. О! – врага наших ценностей! Тогда это слово еще не было в ходу.

Но при этом – я испытывал к нему огромное уважение и общечеловеческую благодарность! Он – физик-теоретик из группы самого Курчатова, человек-легенда, гений и самосожженец науки, настоящий советский ученый и патриот. Это ему и его коллегам и друзьям мы обязаны миром на Земле, нашим военным могуществом и славой. Да для меня честь находиться с ним в одной комнате!

Оборота «когнитивный диссонанс» тогда тоже не было. Не знали даже выражения «психологическая сшибка». А сшибка была будьте-нате.

...Я долго шел ленинградским поздним вечером к себе, курил и, ясно дело, думал. Пытался думать. Как это так. Высочайшие достоинства этого физика и его честность сомнению не подлежат. Берия – не просто кровавый палач, садист и развратник, это вообще синоним мерзкого изверга, тоже сомнению не подлежит. Как же так?

А наутро я об этом не думал, ехал на лекции, потом мы шли в столовку, потом в библиотеку, потом пить в общагу, и было нам по восемнадцать лет, думать ой сколько было о чем, а чувствовать еще больше, а дел так вообще такую кучу и представить невозможно.

...И вот мне уже за тридцать. Брежневский застой. Пьем и ночь разговариваем с ровесником, писателем из Киева. Образованный человек в истории и политике. И он повествует, как Берия выпустил народ из лагерей в 53-м году. И первым делом прекратил дело врачей-убийц и тоже всех выпустил. И все приготовления к массовой депортации евреев на Дальний Восток с крушением поезда интеллигентской элиты на Байкале тоже отменил. Но дело даже не в этом. А в том, что он хотел провести антибюрократические реформы. Даже – антисоциалистические. Прекратить идиотизм планового хозяйства. Своего рода НЭП вернуть. А это требовало сузить безграничные полномочия Коммунистической Партии, понизить ее роль – чтоб не руководила всем на свете. Чтоб присланный из города секретарь сельского райкома не приказывал колхозникам, когда сеять. Чтоб не пахать в конце месяца-квартала-года, выполняя план – а работать нормально, по уму, и делать не то, что тебе запланировали, а потом выбросят – а то, что нужно людям, что все покупать захотят. Короче, реформа планового социализма в сторону свободного конкурентного капитализма. С прямой материальной заинтересованностью в качестве и нужности своей продукции. Вот за это товарищи по партии его и шлепнули – жуковские офицеры прямо в кремлевском коридоре пристрелили и вынесли в ковре. Какой суд?! – дивизия Дзержинского, чтоб бои в Москве, кому оно все на хрен надо.

И проходит время. И товарищ Берия оказывается ох не простым товарищем. И лучше бы он сам в 53-м холодном году перестрелял Хрущева с Булганиным и Молотова с Маленковым. И пошла бы наша история другим путем. Куда более разумным, гуманным и благополучным. Прав был мой старый товарищ, давно съехавший в дальние дали.

Да – Берия исполнял приказы, и руководил депортацией народов, и его ведомство следило за людьми, и сажало по разнарядке, поставляя гулаговских рабов на стройки страны, и расстреливали тех, кого сочли политическими врагами – хотя масштаб, конечно, не 37-го года, террора такого уже не было. Но он, уничтожив массу народа на Кавказе и везде, совершил зло-

деяний столько, сколько подобало фигуре его уровня: он был функционер, член внутренней партии, репрессии – это был необходимый аспект карьеры и вообще делания больших дел по руководящей линии.

При этом. Он не был палачом по своей сущности. По психологии и мировоззрению. Просто – а вот такая работа была. Даже палач может не одобрять какие-то казни – но он уже работник цеха и член команды, он рубит по обязанности, без злобы. Ага.

Он хотел власти – безусловно, как все они. Он был умен – бесспорно; пожалуй, умней остальных. Переоценил себя, недооценил коллег – обычная ошибка, бывает. Но. Он собрался всерьез развернуть страну. Реформировать. Сохраняя власть и контроль партии – перейти, говоря сегодняшним языком, к рыночным отношениям. Но без коррупции и бандитизма – государство будет жестко следить за соблюдением законов, ГБ и менты у него в кулаке. А вот жестокости без необходимости, запугивания народа, репрессий – вот этого нам не надо. Нам надо, чтоб человек работал свободно – потому что иначе мы проигрываем Западу и будем проигрывать. И не будет тогда прочно ни наше государство, ни наша идея. Потому что в другую сторону смотреть люди будут.

А еще – он-то лучше всех знал, что вся документация по атомному проекту украдена у американцев, и фактически мы скопировали «незаконно-лицензионную» бомбу, которую они разработали, создали и испытали. А дальше что? Так и красть всю жизнь?.. А если не удастся?

...Ну, а если у него кроме законной жены была еще одна постоянная любовница-содержанка-гражданская-подруга-молодая, которую он любил, – так это уж дело настолько обычное, что рядить тут не о чем. Это такой же зловещий разврат, как шпионаж на Англию. Они вам сочинят про вашего дедушку-пирата.

Вот вам Берия-хороший – любимый руководитель и верный сподвижник великого Сталина, вот вам Берия-плохой – садист и сексуальный маньяк, убийца и шпион, враг социализма и предатель, а вот вам Берия черно-белый – кровищи понапускал, но придя к власти стал делать добро и планы имел величественные и благотворные, да убили его соперники.

И выбирай себе правду какую хочешь.

Но! Чем больше информации, чем основательнее ты ее переварил и сопоставил все факты – тем картина, открывшаяся тебе, к правде и ближе.

Правда – это знание. Вместо знания тебе забивают мозг пропагандой. Правду надо искать, и нельзя принимать ее на веру. Правда может шокировать, скандализовать, обрушить тебя в обморок и вообще привести в сумасшедший дом. Не верь, не бойся, не проси!

И когда обалдение и негодование от поступившей к тебе информации схлынет – начинай думать и проверять. Лишь Бог всегда прав.

Сталин и Троцкий – имидж

Вклад Троцкого и Сталина в победу и становление Советской власти, заслуги их перед партией – к моменту смерти Ленина были несоизмеримы.

Троцкий был Номером Вторым – председатель Петросовета, организатор и руководитель Октябрьского переворота, нарком иностранных дел и нарком военно-морских, создатель и руководитель Красной Армии; он ввел орден Красного знамени и написал текст присяги, он был председателем РВС – Революционного Военного Комитета и осуществлял верховное командование всеми военными действиями, приведшими к победе в Гражданской войне. Он был знаменитый теоретик коммунизма и первый оратор страны.

Сталин к тому моменту был не шибко учен, по-русски говорил с еще большим акцентом, чем позднее, должность в 1917 году редактора «Правды» была технической, пост наркома по национальным делам специально для него создали по указанию Ленина, чтоб поддержать повыше верного исполнителя. Членом РВС фронтов его также ставил Ленин: Сталин кусал ненавидимого им Троцкого, которому сильно завидовал, а Ленину нужен был «сдерживатель-враг» популярного и блестящего Троцкого. Чтоб совсем уж не заносился и нервничал. И должность генерального секретаря ЦК РКП(б), на которую в 1922 г. поставили Сталина, была тогда чисто организационно-технической.

Имиджи у них в глазах партии и народа были несопоставимы.

И вот после смерти Ленина Троцкий, в сознании своих заслуг и возможностей, имея за собой преданную Красную Армию, особо даже не заморачивался. Политбюро было органом коллегиальным, все решения принимались голосованием, а аргументация и авторитет Троцкого на обсуждениях всегда были выше. И идеи его были ярче и значительнее.

Ну, вопрос практической внутрипартийной борьбы в верхах Сталин решил аппаратными союзами и интригами. Из зависти и страха товарищи по партии объединялись против Троцкого последовательными блоками – и сожрали друг друга, а Троцкий был первым зарезанным пирогом. Плюс выдвиженцы Сталина голосовали по его указке, заботясь о собственных карьерах. И с армии Троцкого сняли.

Но куда мы денем славу Троцкого огромную, заслуги несравненные, авторитет бескрайний? И Сталин, который уже начал учиться, и учился всю оставшуюся жизнь очень трудолюбиво, приступил к разрушению имиджа Троцкого.

Сначала он писал свои речи для съездов и пленумов. Где льстил залу и критиковал Троцкого, сомневаясь в его былых заслугах. Потом к этому делу подключили газеты. На политинформациях – а их проводили в каждом цехе и в каждой конторе – лекторы и политинформаторы открывали все новые сведения о Троцком, и чем дальше тем хуже.

И вот уже всем внушалось всеми имеющимися способами, что ничего особенного Троцкий не сделал, с Лениным всегда враждовал, взгляды имел неправильные, и не зря сам наш великий и святой Ильич называл его не иначе как: «Иудушка Троцкий». Все портреты его убрали, на всех фотографиях заретушировали, из всех документов вычеркнули, книги изъяли.

И если в 1924 году великий товарищ Троцкий был Вождь Революции № 2 и создатель Красной Армии – то в 1929 году за связь с ним и вообще «троцкизм» сажали и расстреливали. Потому что негодяй и смертельный враг.

Образ Троцкого в глазах народа претерпел разительное изменение. Прошло еще пятнадцать лет – и практически все, кто его знал и помнил, были уничтожены. А поколение, еще хранящее память прошлых времен, было запугано до ужаса и оболванено до состояния полена. И через четверть века после его свержения со всех высот – он стал воплощением зла и предательства, подлый враг народа, исчадие ада. Информационная модель была создана, отшлифована и вбита в сознание масс.

И! Что характерно! Теперь правда о Троцком – воспринималась пугливым и ошарашенным собеседником как государственное преступление! Покушение на святые устои нашей родной страны! Попытка сказать такую правду расценивалась как поступок безнравственный и враждебный! Это было враждебно нашему патриотизму и любви к родине – а уж это чувства святые!

Одновременно враждебной подлостью и гадской пропагандой воспринимались слова, что Троцкого убил советский агент по приказу Сталина. Мы?! Убийство?! За границей?! Никогда!..

Но. Товарищ Сталин уничтожил образ вождя товарища Троцкого и заменил его образом врага и негодяя без заслуг – не для того, чтобы свято место пустовало. Одновременно он занялся полезнейшим делом создания собственного образа. И преуспел в нем на удивление историков и к восторгу океана фанатов.

Во-первых, еще ранее сокрушения Троцкого, Сталин начал создание исполинского и божественного образа Всемирного Гения Ленина. Ленин затенял все и всех. Ближе никто не стоял по способностям и величию качеств и заслуг. Заоблачный Исполин. А Сталин – сподвижник, младший друг, единственный ученик, приближенный помощник. Наследник Великого Вождя, благословленный им на продолжение дела и осененный во всех свершениях его гением и его наследием.

Во-вторых, ликвидировать и опорочить, предав позору и забвению, всех реальных соратников и друзей Ленина, товарищей по партии и элиту Революции и государства. Бухарин больше не теоретик, с Зиновьевым Ленин в Разливе больше от полиции не скрывался, Каменев больше не идеолог и не функционер элиты, Пятаков – не любимец партии, Рыков и Томский – враги. Все они ренегаты, оппортунисты, предатели, раскольники, скрытые и явные враги народа, извращенцы марксизма-ленинизма, а также троцкисты. Всех – сняли, опозорили, расстреляли и внесли в поучительный мартиролог презренных врагов. Хоп! – и поле чисто, а посередине – Сталин в белом.

В-третьих – тщательный отбор друзей и сторонников, превозносящих гений Сталина. Мгновенно умершие вслед за Лениным Дзержинский (ох много знал!..) и Фрунзе. Тупые и верные Ворошилов и Буденный, быстро понявшие функцию лизания сапога. Тупые исполнительные подручные Молотов и Каганович.

В-четвертых – контроль за тоталитарной пропагандой, в несколько лет слепившей из Сталина образ гениального теоретика, непобедимого практика, которого Ленин посылал в труднейшие места и Сталин с блеском перевыполнял любые задачи. Незаменимый руководитель, любимый вождь!

В-пятых – придать Вождю нужные качества и отполировать образ до блеска. Он скромный и неприхотлив, у него трудная и славная биография, полная опасностей и побед, он работает без отдыха и сна на благо народа и страны, он бескорыстен и отзывчив, добр к своим и беспощаден к нашим врагам, у него добрый юмор и непобедимое обаяние, он такой простой и в то же время такой образованный и мудрый!..

Н-ну – и как тут не застонать от счастья и любви?.. Какой Вождь нам достался! Что бы мы без него делали!

...И все это не имело ну почти вовсе никакого отношения к рябому от оспы, маленькому и сухорукому грузину Джугашвили. Он был хитер, коварен, скрытен и мстителен. Бесконечно честолюбив и властолюбив. Очень завистлив и ревнив. Не верил никому. Был бесконечно терпелив и очень жесток, беспощаден был. Вкусы и манеры имел грубые, юмор хамский. С годами заужавал себя за волю, ум и победы так, что никого из людей как соперника или равного себе и близко рядом не представлял. К людям относился цинично, потребительски, безжалостно.

И когда сегодня сталинисты и антисталинисты сцепляются – это они пытаются оставить только один из двух образов: великий и человечный вождь-отец – и кровавый тиран заурядного

ума. Причем антисталинисты отказывают ему даже в огромной памяти, железной воле, потрясающей работоспособности и страсти к чтению и самообучению – а сталинисты пенноротно отрицают миллионы жертв ГУЛАГа, голодомора, раскулачивания и прочих репрессий.

Противники вообще отказывают ему в уме, внешнеполитическом таланте, да в любых человеческих качествах, и все свершения эпохи объявляют сделанными вопреки Сталину – то есть успехи государства были сделаны народом вопреки государственному руководству; ну не идиоты ли? А фанаты верят, что все «враги народа» и были врагами, что гениальный Генералиссимус и выиграл войну своим полководческим гением, и люди при нем были счастливы, держава велика, а справедливость норма жизни. Тот же кретинизм, профиль с другой стороны.

То есть. Действительность слишком сложна, переплетена и многоцветна, чтобы каждый, человек массы то есть, начинал в ней разбираться и оценивать: кто чего стоит в каких ситуациях вследствие каких качеств. Ему надо проще: хороший или плохой. Для него политтехнологи и рекламщики и создают образ. Образ для массового пользования. Этот образ условен и весьма отличен от оригинала.

Оценивая великих и споря о них – люди имеют дело отнюдь не с реальными людьми. А с их информационными образами. Когда речь о крупных медийных фигурах – рассуждают только о медийных образах. То есть созданных им на потребу.

Толпа не для того, чтобы рассуждать. Толпа для того, чтобы иметь простую и цельную точку зрения. А именно и в крайнем выражении: он плохой или хороший?

Трафарет

Сознанию сложно и излишне воспринимать и помнить мир во множестве всех его нюансов. Сознание есть прежде всего аппарат для прикладного анализа информации: что следует принимать во внимание, чтобы правильно отреагировать на сигнал и оптимальным образом поступить к пользе особи. Таким образом, сознание всегда склонно упрощать картину мира, акцентируя и преувеличивая принципиально важную информацию и пригашая, убирая в сторону не важную, принципиально ничего для действий не меняющую. Это подобно фокусировке бинокулярного зрения: охотник хорошо и подробно видит то, что конкретно привлекло его внимание – возможную добычу и препятствия – и практически не замечает цветочки и всякую дребедень по сторонам.

То есть. Сознание стремится привести картину миру к краткой и принципиальной информационной схеме, нужной для достижения своих целей и формирования цельной системы своих взглядов. Мировоззрение человека стремится к конкретности и возможной простоте, допустимо сказать. Информация структурируется наиболее удобным для пользования образом – излишнее отбрасывается, отторгается, не замечается, забывается. А если зря путается в сознании – только раздражает, как помеха.

Сознание свертывает и кодирует информацию до знака, символа информационного сообщения – и уже этим символом оперирует на практике: свой – чужой, полезно – вредно, и далее по обстановке.

Еще раз, чуть иначе:

Рядовому человеку очень трудно держать в сознании множество разноречивых подробностей и аспектов какого-то явления и при этом быть способным его оценивать. Рядовой человек склонен сводить понимание чего бы то ни было к простой дихотомии: хорошо – плохо, нужно – не нужно, друзья – враги, прав – виноват, черное – белое.

На примере «рядового человека» ясно видно, что мышление и когнитивные способности – не сами по себе, но играют обслуживающую роль по отношению к инстинкту выживания, и изначально, на самом глубинном уровне, работают на обеспечение жизненных потребностей, начиная с базовых и важнейших. Вот враг: драться или бежать? Вот чужой человек: друг или враг? Вот животное: опасное или безвредное? Съедобное или ядовитое? И вообще: отдохнуть или идти? Селиться здесь или там? Бежать от погони налево или направо?

Первейшая функция мышления сводится к решению простой альтернативы: поступить так или эдак. Выбор из двух главных вариантов. В конце концов, любая цепь умозаключений упирается в этот простейший выбор: поступать на этот факультет или на тот? Идти в армию или откосить? Дать взятку или работать честно? Заступить за слабого или пройти мимо?

Что характерно: и Закон, и Мораль, и Совесть в каждом конкретном конфликтном случае велят делать определенный выбор – одно из двух в конечном итоге: предпочесть правильное неправильному.

Чем ниже уровень мыслительных способностей персоны, тем более прикладной характер носит сам тип его мышления. У простейших животных реакция: на пищу и благоприятную среду приближаться – от опасности и неблагоприятной среды удаляться. На этом уровне базируется и прикладное мышление человека: нужное и приятное мне хорошо и желательно – ненужное и неприятное плохо, нежелательно, опасно.

И свой могучий мозг с его колоссальными возможностями «простой человек» использует как государственную печать для колки орехов: стремится понять, вот это рассматриваемое явление ему нужно или нет? Для него плохо или нет? То есть – оно хорошее или плохое?

И естественно, что всю информацию «простой человек» классифицирует, норовя свести в конце концов к той самой простой дихотомии: так это хорошо или плохо? Правильно или

неправильно? Сложные ответы типа: смотря с какой точки зрения, смотря с какой целью, или – оба неправы, но по-разному, или – и в том и в другом есть свое хорошее и свое плохое – такие ответы «простого человека» не удовлетворяют и раздражают.

Он продолжает добиваться: «Так правы были красные или белые?» «Так Советский Союз – это было хорошо или плохо?» «Так есть нужно много или мало?» «Так джаз лучше рока, а Пушкин лучше Толстого?» А вот без подробностей, оттенков и нюансов, вот без этого «с одной стороны, с другой стороны». Особенно бесит его: «Нельзя так сравнивать». Почему нельзя?! Ведь в жизни всегда и по всем поводам: или так – или эдак. Не надо юлить, ты мне прямо скажи: мне донести на брата-убийцу – или же спрятать его? Я человек конкретный, и жизнь – она конкретная.

Что такое трафарет? Это забор с двумя калитками, над ними написано: «Сюда ходи» и «Сюда не ходи». Вот и весь выбор, больше входов нет.

Но когда тыходишь – за калиткой оказывается масса загоронок, участков, комнат и переходов. А за другой калиткой – там своя такая же разгороженная территория. И между этими двумя половинами пространства натянута сетка – от середины забора до горизонта. Буквой «Т» получается. Что характерно – по лабиринту тоннелей и коридорчиков из одной половины можно попасть в другую.

Пока ты перед забором – ты всего этого не видишь. И в какую бы загороночку, по какому бы адресочку ты ни шел – перед забором необходимо определиться: тебе в левую калитку или в правую. Главное – с пустой проезжей части свернуть куда надо, а там дальше разберемся. Так нам каким путем ближе – тудой или сюдой? Чтоб там все адреса, среди которых и мой тоже оказался. Да погоди ты мне про водопровод и условия договора, мне надо понять, чтоб комфортно было, а конкретности потом. Отвали со своей этажностью и солнечной стороной, ты мне конкретно скажи – там жильцы довольны? Ну вот и все. Да не колышут меня твои потолки, автостоянки, квартплата и район, мне вообще знать надо – там хорошо? Вот! А ты все мутил.

Переехал. Сука, что ж ты мне не сказал, что там по ночам режут, и вода на восьмой этаж не доходит?! Я-то думал, что раз хорошо, так все и в порядке... А в другом районе – тогда там хорошо, да?

Так ты же смотри: между калитками у забора вкопан столб с большой табличкой: «Область общего понимания». А под ней – другая, ярко-красная: «Пункт принятия генерального решения».

Трафарет, забор с двумя калитками – это простейшее устройство для самоопределения человека в жизненном пространстве. Для ориентирования в сложном и довольно замаскированном мире. Выбор пути для топографических идиотов. Первый шаг. Он же чаще всего и последний.

И таких заборов масса – на все случаи жизни, во всех измерениях. И в каждом заборе – две калиточки, и над каждой калиточкой – надпись: тебе сюда – тебе не сюда, тут хорошо – тут плохо, здесь все правильно – здесь все неправильно.

Ну так человек – не бродячая собака, ему некогда вбегать во все калиточки и там внутри территорий обнюхивать и разглядывать все загончики. Он бежит своим путем по своим делам. Но вдоль пути то и дело попадаются заборы. И он замедляет ненадолго бег и разбирает надпись над калиточкой: как там жизнь по сторонам моей жизни?

Но собаки бегут стаей, и свое собачье «хорошо – плохо» давно определили. Так что в основном альтернативы давно решены.

Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным.

Своя рубашка ближе к телу.

Но каждый хороший человек – патриот.

Враги всегда плохие.

Русские лучше всех (о себе так – американцы, англичане, испанцы, только не немцы).

Твой народ умен, честен, благороден и храбр.

И вообще устойчивые образы:

Лайнер – серебристый.

Фрукт – яблоко.

Стрелой – пронзенный.

Так вот, последнее. «Простой человек» в калиточку не пролезает: у него извилины в мозгу слишком толстые и негибкие. «Простые человеки» разбивают палаточный лагерь под вывеской. Пустырь превращается в трущобное селение. Для умственных трущобцев калиточка – это последняя инстанция. И все, кто сквозь нее прошли и по загончикам разделились – ему единым миром мазаны. Кто в нашу калитку вошел за наш забор – значит наш, точка, вот это я и хотел знать, мне достаточно.

Самое главное, что нужно понимать о трафарете: сквозь забор внутренних построек не видно. Трафарет неопровержим. Наличие трафарета – это качество мышления. Трафарет может быть только заменен другим трафаретом.

Агрессор – плохо. Вероломство – плохо. Нам не сюда. Поэтому наш Советский Союз никогда не мог первый напасть на гитлеровскую Германию. И ни на кого не мог. Ни на Финляндию, ни на Прибалтику, ни на Румынию, ни на Японию. Те первые начали. Или сами согласились. Или не пошли навстречу.

Американцы богатые и расчетливые, немцы аккуратные и точные, японцы вежливые и жестокие, евреи умные, жадные и хитрые, русские добрые, талантливые и храбрые, итальянцы музыкальные и шумные.

Трафарет – это самое простое одношаговое сочетание предметов и качеств, крайне устойчивое по причине общепринятого и многократного подтверждения и абсолютной объясняющей силы.

Трафарет в логике подобен раковой клетке в организме. Она очень живуча по причине своей абсолютной простоты и тем самым устойчивости.

Трафарет крайне устойчив, ибо он есть истина как продукт общественного договора и многократного повторения.

Трафарет чаще всего ложен. И как ложь – отрицает правду.

Ложь как трафарет обладает огромной устойчивостью против правды. Правда – вещь сложная, если начать разбираться. А разбираться человеку необходимо только в том, что его лично касается и что он в состоянии изменить. Насчет прочего мира человеку достаточно простейшей маркировки – для самого общего мировоззрения.

Трафарет – это упрощенный заменитель истины.

Трафарет – это обобщение проблемы на все случаи жизни.

И вот как обобщение – трафарет отрицает нюансы. То есть:

Как общий случай правды – трафарет отрицает частные случаи правды.

Трафарет – это абстракция. И как абстракция – он отрицает конкретность. Во всех случаях, когда частная мелкая конкретность не совпадает с абстракцией – трафарет ее отрицает.

А поскольку дьявол в мелочах. И любая случайность хоть в каких-то мелочах всегда индивидуальна. То вот что главное для нас в этом сочинении:

Образец трафарета в мебельном производстве – Прокрустово ложе. Оно несло смерть всем живым – не совпадали по размеру.

...Архетип в принципе расплывчат и не сводим к уровню конкретности.

Часть третья

*От вселенской погони не уйти, не уйти
никуда. На небесном погоне оборвалась звезда*

Попытка к бегству

Иногда человек просто не в состоянии воспринять правду, если она ему ужасна, предельно нежелательна. Его психика не в состоянии адекватно ориентироваться в новой реальности, ей там просто нет места, она не в силах перестроиться, не может адаптироваться к той действительности, с которой столкнулась.

Чаше всего – это трагическая смерть очень близкого человека. Любимого, ребенка. Это разрушает всю человеку жизнь, лишает смысла. Это слишком сильное потрясение.

И тогда он остается в своем мире. Его жизнь оказалась на распутье – пути реальный и беспредельно желаемый разошлись. В реальном мире можно работать, убирать дом, стареть, общаться с людьми. В воображаемом – мать продолжает растить сына, заботиться о нем, кормить, покупать ему вещи, разговаривать. Она держится за этот мир, он бесконечно дорог ей, в мире реальности она не вынесет горя, боль слишком сильна, мир черен, примирение невозможно. Даже самоубийство не поможет – этим ничего не поправишь. Хотя для верующих есть варианты.

Военная психиатрия знает, скольких людей война сводит с ума и перемещает в воображаемый мир.

Если ты не можешь изменить реальность, с которой не в силах примириться – благодатное воображение создает тебе другую реальность, и ты в ней живешь, более или менее счастливо.

И вы будете доказывать такому человеку, что он заблуждается, ненормален? Что на самом деле все не так? Нет. Во-первых, у вас обнаруживаются совесть и сострадание. Во-вторых, он вам не поверит и останется со своей воображаемой правдой.

Если нельзя, но очень хочется – ты или это делаешь, или сходишь с ума. И тогда делаешь это в воображении. Правда может попасть в мозг, как камень в стеклянный дом.

Болезнь

В СССР 1960–70-х годов среди многих правил в медицине действовало и такое: онкологическому больному не сообщали его диагноз. Так предписывала советская медицинская деонтология. Чтобы не нанести непоправимую травму психике больного, как считалось.

Момент первый: правда может сильно повредить здоровью. Так считалось. Больной впадает в депрессию, теряет волю к жизни, и вообще зачем омрачать безнадежностью его сознание. Это негуманно. Пусть верит, что это не рак, и он излечится. Это гуманно.

Момент второй: больной, успокаиваемый врачами, впадал в сильнейшее беспокойство. Он мучительно хотел знать настоящий диагноз. Он не верил врачам – переходя от неверия к вере и обратно. Пытка надеждой расшатывала его психику. Пытка неизвестностью вела к неврозу, нервному истощению и упадку сил сама по себе. Иногда из любви к близким он делал вид, что верит успокоению врачей – а близкие притворялись, что верят, что он верит в утешительный диагноз и не знает правды. В этом мраке и ужасе он близился к мучительной смерти.

Так ведь и с желанием правды не все однозначно. Меж врачей и больных ходила байка: Старик Фрейд упросил друга-доктора все-таки открыть ему истинный диагноз – и услышав, что это рак, мрачно помолчал и сказал: а все-таки ты меня убил. По другой версии слова Фрейда были: кто дал тебе право говорить мне такое? Иногда фигурировал не Фрейд, а Павлов; иногда безымянный больной или знакомый знакомого.

То есть. Официальная советская медицинская наука. Которая отнюдь не была уж вовсе глупой. Искренне полагала, что в таких случаях правду пациенту говорить нельзя. Запрещено! Для его же блага. Вредна ему такая правда и негуманна.

Дальше больные делились на несколько разрядов:

Одни верили и жили свой срок спокойнее и с надеждой, им действительно так лучше оказывалось.

Другие не знали, верить или нет, и сильно страдали от неизвестности, желая узнать правду; им было от такой методы только хуже.

Третьи не знали, верить или нет, но вообще-то правды страшились и предпочитали, чтоб им ее с неотвратимостью приговора не открывали. А пока есть сомнение – есть и надежда, а с надеждой жить легче.

То есть. В одной и той же ситуации. Применительно к разным людям. Правда бывает полезная, а бывает вредная. И еще: одни хотят ее знать, а другие нет.

Вариант первый. Вот есть сильный, уверенный в себе человек. С оптимистичным мировоззрением. И он предпочтет знать правду. Он не оцепенеет в шоке и не свалится в депрессию. Он построит себе план и сделает все для его выполнения: как выздороветь, используя один шанс из тысячи. А хоть бы и без шансов: не было – так будет! Он победит! И в любом случае – как лучше, счастливее и рациональнее всего прожить оставшееся время.

А вот есть другой сильный уверенный человек. Да плевать он хотел на вашу правду вообще, он занят делами, у него в жизни масса радостей, и ничего он в жизни своей не изменит, разве что темп уплотнит. Беспечный он и веселый, как ребенок, туземец или идиот.

Вот слабый человек, пугливый и неустойчивый. Такие любят, когда ответственность берет кто-то другой. Вот скажет доктор, что он скоро поправится – и он настроен поправиться. Доктор сказал. Любой симптом он исправно толкует в пользу утешительного диагноза. Мысли о зловещей правде он гонит прочь, когда они приходят. Правда начнет подавлять его иммунитет и волю к жизни, сопротивление снизится, он проживет меньше и всех изведет своими ужасами и тоской.

То есть. Человеку охота жить. Для этого его психика должна быть настроена на жизнь и победу – оптимистически. Один, узнав правду, проживет лучше и больше. Как сэр Френсис

Чичестер, заболев отправился в одиночную кругосветку на яхте впервые в истории – и дошел, и выздоровел к изумлению врачей, и прожил еще прилично. А другого правда пригнет и загонит в гроб раньше срока – он нуждается в утешительной лжи.

И психике человеческой, инстинкту жизни человеческому это вполне даже известно. И один и тот же симптом сильный толкует к преодолению, выздоровлению и ерунда все это – а другой к безысходности, обреченности и нечего зря дергаться и тешить себя пустыми надеждами.

Сильный хочет правды – и это правильно.

Слабый хочет спасительной лжи – и это правильно.

Средний мечется между желанием узнать и покончить с мучительной неопределенностью – и желанием избежать возможной страшной правды и неизбежности близкого конца.

Подсознание человека может выбрать ложь себе в помощь и спасение – даже на самом простом, буквальном уровне. Не нужна мне правда, от которой мне плохо, страшно, нежеланно.

...Кстати, поэтому в России с ее весьма бездушной, черствой и внегуманной медициной, люди обычно стараются до последнего не обращаться к врачам. Еще к знакомым врачам, с возможностью личного дружеского отношения – ну туда-сюда. А с улицы по общей очереди в больницу – не приведи господь. Нароют они у тебя невесть что, а ты потом доживай жизнь в болезнях и тягостных процедурах. Ну его на хрен! Пока можно – буду считать себя здоровым, оно и веселей: авось проскочу все эти возможные ужасы.

Не хочет российский человек узнавать правду о своем здоровье у российского врача! Касание родной медицины – это уже удар по здоровью.

Иногда элементарный инстинкт самосохранения велит человеку не знать правды. И прыщик не опухоль, и желудок ноет – так от сухомытки, и печень побаливает – так пить меньше надо, особенно дешевую водку. Фигня все, прорвемся.

Пока считаешь себя здоровым и пашешь в нормальном режиме, и планы строишь, и радости испытываешь, – твоя психика в порядке, и твой иммунитет на уровне, и организм сохраняет свое здоровье как может. А узнал о болячках – вздохнул, огорчился, жизненная перспектива потускнела, аппетит пропал, на бабу не смотришь, рюмку не хочешь, – какой тут на хрен иммунитет... Поскрипим пока, но кураж уже не тот.

В плане физического и психического здоровья – веритофобия есть нормальное и полезное свойство человеческой психики. Не всегда. Отнюдь. Но в ряде случаев.

...А кроме того – глядя в общем масштабе: человек создан природой для того, чтобы как можно больше сделать в течение жизни. Само по себе продление индивидуального человеческого существования природе безразлично и даже не нужно. Чего ему без дела небо коптить. Пусть лучше перелопачивает мир сколько сможет – а потом уйдет, и если немощный – так и поскорей, место не занимать, ресурсы без толку не переводить.

Внушение: колдун и смерть

Если практика – критерий истины, то что есть истина? Коли на изменчивую практику можно влиять. С этой правдой бывает до отвращения непросто.

Возьмем, условно, Африку старых времен. Хотя кое-где новые и не наступали. И вот член племени совершил преступление. Убил кого, или оружие украл, или скот угнал – не важно. Он явно изобличен в преступлении.

За преступлением следует оно, наказание. А совершается наказание так: колдун племени объявляет приговор. И все! Достаточно.

Колдун приговаривает: «Через четыре дня ты умрешь». Приговоренный сереет от ужаса. Окружающие в священном трепете. И – все! Больше никто ничего не предпринимает.

Приговоренный знает, что он обречен. Финал неотвратим. Избежать его нечего и пытаться. Высшие силы всевластны над тобой. Он впадает в безысходную тоску ожидания, его ничто больше не радует, он со страхом прислушивается к своим ощущениям, теряет аппетит и вообще интерес к жизни, перестает даже двигаться... и на четвертый день здоровый молодой мужчина в состоянии полной апатии и прострации таки умирает! Кожа его холодеет и покрывается потом, глаза заволакиваются, сердце бьется слабее и медленнее, и вот уже он покойник.

Европейца-патологоанатома рядом нет, и посмертный эпикриз с результатом вскрытия отсутствует. Но факт, что умер. Проверено многократно и записано товарищами этнологами, этнографами и прочими этнопсихологами совместно с простыми путешественниками и даже врачами.

То есть. Он твердо знал, что умрет. Умирает. Соответственно испытывал тоску и страх смерти. И запускался лавинообразный отказ функций – что-нибудь в таком роде.

Он принял приговор за правду – и вера сделала его правдой. Вот такое обратное влияние, дабл-экшн. Правда – это то, во что ты веришь.

Вот мы и добрались до страшно модного в либерально-гуманитарных кругах представления конца XX – начала XXI века: истина всегда относительна. А также условна. А абсолютной истины не существует.

Ну, насчет абсолютной это вы бросьте. Дважды два четыре, а Земля круглая. Тэкэзэть истина факта.

А вот относительность правды (истины) в человеческих представлениях – это безусловно сложнее; в этом и пытаемся разобраться.

Приговорил колдун отсталого негра – тот поверил и умер: правду колдун сказал. Приговорил колдун белого – получил прикладом по голове и умер сам тут же: неправду сказал. Мда-с – против прогресса не попрешь.

То есть.

Внушенная (или самовнушенная) человеку установка может быть правдой – если сила внушения вызовет в человеке предсказанные (приказанные) следствия. То есть даже на чисто физиологическом уровне может быть правдой.

Правда как предсказание, внушение, прогноз имеет силу самореализации. То есть реализации через эмоции, мысли и действия подвергшегося внушению человека.

Ведь что говорил Ибн-Сина, хотя иногда это поучение приписывают средневековой восточной медицине вообще? «Если ты будешь со мной – нас будет двое против твоей болезни, и мы победим. А если ты будешь с ней – вы будете вдвоем против меня одного, и можете победить». Верь во что надо!

Бывали случаи удивительных выздоровлений людей, которые этого очень сильно хотели и в это верили всей силой духа. Бывало, что смертельно раненные летчики сажали самолеты – и умирали сразу после приземления.

А бывало наоборот, как знаменитые эксперименты над приговоренными в американской тюрьме 1950-х: приговоренному к электрическому стулу предлагали безболезненное вскрытие вен, римский вариант спокойного ухода – и, завязав глаза и пристегнув руки, проводили по венам тупой стороной ножа, сливая затем от «порезов» воду температуры тела. Течет по рукам и в жестяной тазик со звуком сливается, капает. Результат: мраморная бледность, синюшность губ, падение давления, двадцать минут – и смерть от гипоксии мозга: ну буквально симптоматика кислородного голодания от критической кровопотери.

И-ну, если посреди процесса снять повязку и дать жертве посмотреть – процесс умирания, надо думать, прервется.

Еще раз.

На физиологическом уровне: правда – это убеждение, внушенное или самовнушенное. Такое убеждение обладает главным атрибутом правды – оно являет себя в реальных действиях, следствиях, процессах, результатах.

Но. Человек с его умом, волей и силами выступает здесь как преобразователь информации, реализующий ее в конкретные дела.

Если в результате, действуя по убеждениям и вере, человек однако же пролетит – ну, значит это была неправда. А если все получится как предсказывалось и представлялось – значит, правду он знал насчет этого дела.

...Пока человек в действии не обломался – он держится за то, что считает правдой. Ибо это его информационная система – как достигнуть своего. Правда здесь – как навигационная карта и маяк.

И опровергнуть правду типа «я умру от приговора колдуна» можно, только продемонстрировав: вот я живу с его приговором и поплеываю – а вот я вообще его пришиб, чтоб не гнал туфту. То есть: раз моя правда сильнее – значит твоя правда ерунда.

Надежда и авось

Пытка надеждой действительно существовала, и такой рассказ Вилье де Лиль-Адана о средневековой Сарагоссе не вовсе фантазия. Осужденный раввин накануне казни чудом бежит из темницы, уже выбрался в ночные заросли – и на пороге счастья жизни и свободы его принимают укоризненные объятия инквизитора. Сломать психику человека очень просто: дать ему коснуться вожаемого счастья – и вдруг резко отобрать навсегда. Щелчок выключателя с «надежда и вера» в положение «безнадежный конец». Контраст «прекрасно – ужасно». Это примерно то же самое, что «жизнь – смерть».

А на жизнь человек надеется с такой силой, что потеря надежды его убивает. Надежда умирает последней. Мысль о смерти отторгается сознанием. Это естественно. Не потому, что глуп. А потому что жить хочет. Охота жить сильнее здравомыслия. Мертвому здравомыслие ни к чему, тут выкручиваться надо.

Поэтому последняя мысль падающего под колеса или летящего с крыши: «Что, вот так? Так просто? Сейчас? Нет! Не может быть!»

Недаром предсмертный обряд любой религии – это приготовление не к исчезновению, не к Ничто – а к переходу в Иной Мир, Иную Жизнь. Это как-то легче и понятнее. Это сильно успокаивает. Примиряет хоть как-то с происходящим.

Одна форма неприятия мысли о смерти – это уверенность в своих силах, если ситуация рисковая. Канатоходец думает о том, как он перейдет бездну – а не как упадет и погибнет. У вершины Эвереста иссыхают ледяные мощи погибших при восхождении – но альпинисты идут вверх! Моря поглотили поколения моряков – но одиночки пересекают в шлюпке Атлантику! Про Гарри Гудини мы вообще молчим. Если у человека есть один шанс из ста выжить – он верит в него!

Более того: разбойник и пират, полагая, что вероятнее всего погибнут раньше или позже – рассчитывают, что кривая вывезет, Косая промахнется, Дьявол поможет и Бог простит. Верят в удачу, в судьбу и в силу своего оружия. Это другая форма неприятия мысли о смерти, возможной буквально в любой миг.

И более того – пример из войн столь же мужественных, сколь аккуратных немцев: идет к фронту воинский эшелон – а сзади прицеплена платформа с новыми гробами. Для этих солдат. Часть их обязательно погибнет в сражении, куда едет. Так чтоб хоронить по-человечески и обеспечить матчастью своевременно. И вот это приводит солдат в тоску и злобу. Они знают, что не всем жить придется. А все-таки пока ты жив – ты думаешь о земном, о поспать-пожрать, о пронесет, погода хорошая, можно достать выпить. Напоминание о будущем им несносно. Знать не хотят такого!

В мирное время десантники, спецназ гордятся тем, что они смертники, расходный материал. Говорят об этом с цинизмом матерых профессионалов. На профессии лежит свет бесстрашной самоотверженности: гладиаторы. Среди прочего их учат убивать своих раненых. Но пока живы – мысль о смерти абстрактно-далека, к осознанию она не допускается. Этому тоже учат! Смерть как подробность, на бегу, в бою, не заикливаться на этой мысли.

Врачи знают, как цепляется смертельно больной за малейшую надежду выздоровления. Всем существом, всем сознанием он устремляется в крохотное отверстие, где лучик пробился через черный занавес: уже лучше! сегодня самочувствие приличнее! организм борется, клетки восстанавливаются, процесс явно меняется.

Иногда уверенность несчастного в выздоровлении принимает уже характер явного самоунижения, неадекватного психического состояния. Зато жить легче!

Обратный вариант – ипохондрия: тело здорово – а дух крючится от страха заболеть или вообще умереть от воображенной болезни. Да, это депрессия, это надо лечить психотерапевтически и медикаментозно.

Понимаете, какая штука. Все психиатры и психологи знают, что понятие психической нормы строго не определимо, расплывчато, вариабельно. Психика подвижна. И в этой своей подвижности она может вообще вообразить, что человек – птица. Или рыба. Или мужчина считает себя женщиной. А уж такие мелочи, что смерти в конце падения не будет, или наоборот, сейчас заболеешь проказой и сгниешь за неделю, – это вообще на раз.

Человек может быть полностью адекватен – вот только считать, что в стопроцентно гиблой ситуации уж он-то не пропадет. Это ничуть не мешает его социальной адаптации, он корректно вписан в общество. Не сумасшедший! Но в одной частности – рехнутый.

Смерть – самый нежелательный вариант правды. И чем она ближе – тем ну ее на фиг! Человеку нужна правда жить.

Сам кривое зеркало

Человек все оценивает посредством себя. Собою. Через себя. Типа Протагор. Мера всех вещей. Ну так для начала у него должно быть верное представление о себе самом. То есть если корабль сверяет курс по компасу – то перед началом рейса надо выверить компас: провести девиацию. Но. Компас приводится в соответствие с магнитным полем Земли. А как и с чем ты приведешь в соответствие человека?

Человек думает о себе одно – а окружающие другое. И так буквально с каждым! Мы говорим об адекватной и неадекватной самооценке и оценке.

Каждый человек – сам себе Мюнхгаузен. И сам себя вытаскивает за волосы из болота. Кругом лягушки удивляются.

Начинается с того, что человек слышит свой голос не таким, как он слышится со стороны. На то причины анатомические с физиологическими: ты слышишь свой голос с резонансом внутри черепа – а другие через пространство воздушных колебаний принимают звук снаружи, в основном через ушной проход.

А что делать с дальтониками и более сложными отклонениями в восприятии цветов? Вот нет для него разницы между этими двумя цветами, один это цвет для него – и хоть ты тресни! А у кошки или пчелы цветовая гамма мира вообще другая. А вообще цвет – это длина световой волны, и цветовое ее восприятие достаточно условно. Просто физиологический аппарат для удобства адаптации к среде.

Гениальный Клод Моне после операции на глазах обрел способность видеть в ультрафиолетовом частично диапазоне, и уникальные голубовато-лиловые тона его поздних картин столь же прекрасны и неповторимы, сколь недоступны в жизни для прочих смертных с нормальным зрением.

Про слепых и глухих мы вообще не говорим.

Если человек неадекватно воспринимает объективную информацию внешней среды (звук и цвет) – можем ли мы вообще говорить о том, что истина постижима? И более того – что она вообще существует? Я думаю – можем, после паузы сказал товарищ Сталин и утверждая прочертил согнутым указательным пальцем.

Откуда дальтоник знает, что он не различает красное и зеленое? Ему сказали. Он поверил. А так – не знал бы. Откуда глухой знает о звуках? Ему объяснили. (Истина – как мнение авторитета или большинства, оформленная в знание.)

Мне неоднократно приходилось слышать от процветающих высокопоставленных воров, юридически неуязвимых, в разных дискуссиях: «Вы просто завидуете», в смысле моему или чьему-то богатству и положению. Люди меряют по себе: всем должно хотеться денег и власти, а мораль – для дурачков и слабых, просто оправдание неумех. Вор во власти не считает себя воров – он убежден в законности и естественности своих действий. Все бы пристраивались богатеть, если б смогли. Приверженность честности и презрение к воровскому богатству ему искренне непонятны.

Аналогично дурак не признает себя дураком. Для себя-то он самый умный – потому что единственный. А другого признает еще умнее – если этот другой подсказал ему, как достичь цели: хоть должность занять, хоть миллион украсть, хоть бабу уговорить. Тогда – да, тогда – друг умнее: если подсказал мне, как понятными и доступными мне средствами добиться того, чего я хочу и в принципе могу. Для дурака умный – это человек, думающий как такой же дурак, но умеющий достичь того, что дурак хочет. То есть совпадение ценностное, ментальное, методологическое. Умный – это дурак, у которого бывает просветление в голове, как луч к цели.

Нарцисс искренне восхищен своей красотой, хотя окружающие могут посмеиваться над его самомнением. А иная милочка считает себя дурнушкой, страдая комплексом неполноценности как последствием детской психологической травмы.

Подлец не считает себя подлецом. Во-первых, все люди подлы. Во-вторых, что же делать, если сильно хочется. В-третьих, главное – чтоб никто не узнал. В-четвертых – так вам, сукам, и надо.

Бедный графоман ужасно любит писать – и искренне не видит, чем же его сочинения хуже Пушкина или Толстого. Слова, предложения, мысли, характеры – все ведь есть!

Я хочу сказать только хорошее о мудром, щедром, веселом и добром грузинском народе. Что сейчас почти все российские воры в законе грузины, мы углубляться не будем. Но мне неоднократно приходилось сталкиваться с одной характерной и ярко выраженной чертой именно у грузин почему-то. Он никогда не признает, если был не прав! И никогда не сознается, что чего-то не знает. Будет извиваться и разбиваться в лепешку – но он знает, и он был прав. Хоть тресни! Возможно, незнание или неправота унижают его мужское самолюбие, противостоят этике поведения и мужской гордости – я точно не знаю. Но иметь грузина партнером в деле – очень сложно. Он в гробу видал любую правду – честь дороже. Он сам – эталон истины, а истина может выкручиваться как хочет.

Мерзавцы и идиоты всех мастей корректируют свою самооценку в сторону согласия психики с самой собой. Жить-то надо. Разлад ведет к болезни и поражению.

Искаженная самооценка неизбежно влияет на оценку окружающей реальности – ибо оценивается она посредством себя, с точки зрения себя. Вы говорите о правде?..

А есть инстинкт самореализации, и как его проявление – стремление к самоутверждению социальному, а отсюда потребность уничтожить конкурента либо своим превосходством, либо его устранением. И возникает зависть, рождая ненависть, и гаду приписываются все пороки, и вот уже ни о какой объективной оценке речь идти не может. Ты плох потому, что я хочу занять место твое и над тобой!

Что такое правда для стукача, палача, предателя, ничтожества? Негативный фактор, требующий снять его. А есть две формы отрицания правды: умолчание и подмена фактов. И они подменяют, будьте спокойны! Потому что самооценка требует проведения психологической санации. Все факты должны быть рассмотрены и оценены с позитивной точки зрения. Я исполнял приказ. Это было необходимо для страны. Тогда все были евреи, внучек, время было такое.

Подобно большинству смертных, менее всего капитан Левассер интересовался правдой о себе.

Так что у человека есть масса оснований строить иллюзии на свой счет. И он достиг в этом занятии огромных успехов. Иллюзии насчет окружающей реальности – следствие, рефракция внутреннего зрения.

Обратная связь

Любой факт, который допускает неоднозначное истолкование, человек стремится истолковать в свою пользу – к пользе того аспекта в себе, тех качеств и оценок, того мировоззрения, которые он считает необходимыми для себя, самыми полезными и нужными. Истолкование факта должно соответствовать его представлениям о мире, в котором он уже устроен и неплохо.

В человеке стоят своего рода блоки, фильтры, не позволяющие иногда устанавливаться адекватной и полноценной обратной связи с окружающей средой, воспринимать и адекватно реагировать на идущую от нее информацию. С учетом или отрицанием любой информации человек однако придерживается тех взглядов, мнений и оценок, которые позволяют ему оставаться полноценным членом социума. Включенный в систему социальных связей, он выживает и поднимается вверх в социальной пирамиде – независимо от ошибочности взглядов социума.

Реакция на оценку поступающей извне информации – это плод компромисса и равновесия между адекватно считываемой личностью информацией – и той информационной сетью, которая объединяет аморфную массу индивидуумов в структурированный социум.

Нарушение обратной связи у индивидуума, когда он руководствуется общепринятым групповым мнением – социально необходимый момент. Отрицание индивидами адекватной информации – одно из проявлений инстинкта самосохранения социума. Своего рода психогигиена. Информационная пограничная стража. Изгнание всего чужеродного, что может нарушить идеологическое единство социума – и тем самым его прочность и эффективность.

Человек отвергает правду, потому что она противоречит его интересам, представлениям и желаниям.

Это могут быть сугубо личные желания и интересы:

- быть здоровым и не верить в болезнь;
- иметь достойных родителей, а не мать-шлюху и отца-вора;
- полагать себя умнее, а не глупее;
- иметь способности достичь успеха, а не быть обреченным неудаче;
- быть скорее симпатичным, чем уродливым;
- верить в победу, а не в поражение;

– то есть завышать самооценку, уровень притязаний и возможность успеха.

А могут причины отрицания правды быть и сугубо социального происхождения:

- мой народ хороший и умный;
- моя страна сильная и справедливая;
- авторитеты лучше меня знают, что правильно, а что нет;
- наши лидеры о нас заботятся;
- мы преодолеем трудности и будем жить лучше;
- враг слабее и трусливее нас;
- мы правы, а враги нет;
- нам плохо не потому, что мы плохие, а потому что враги мешают;
- наши люди талантливее.

Стремление прервать обратную связь – это проявление консервативного начала, стремления социума и индивидуума к информационно-мировоззренческому самосохранению: мы покуда живы, преуспеваем, поднялись до нынешнего состояния? – ну так подите вы все подальше с вашими завиральными идеями!

В сознании-подсознании человека есть информационный фильтр и есть колесико настройки картинки. Фильтр просто не пропускает в сознание явно и резко не желательную информацию. А настройка вертит изображение с разных сторон, одни его части приближает и

увеличивает, другие отдаляет и уменьшает, красок дать поярче или потусклее – и пропускает в сознание информационную модель объекта, откорректированную до комфортного уровня: чтоб вписалась в общее информационное поле мира, существующее уже в мозгу.

И если орущий младенец для матери – прекрасное чудо, то для нервного соседа – гадкое чудовище.

Следует учесть:

Задача обратной связи – не просто дать адекватную информацию об объекте. Задача обратной связи – дать такую информацию об объекте, которая принесет субъекту максимум пользы. Спасет от опасности, накормит, повысит статус.

То есть:

Оптимальная реакция субъекта на раздражитель не всегда требует восприятия адекватной информации о раздражителе.

Неотвратимость смертельной угрозы может парализовать и сделать беспомощным. Недооценка опасности бывает полезна – человек отчаянно борется, полагая, что есть шанс победить – и порой действительно побеждает! Вообще недооценка опасности и переоценка своих сил не всегда вредна – иногда бывает и благотворна: не знаешь, что это невозможно – и сдуру по незнанию добиваешься успеха там, где все предрекали провал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.